

УДК 82.0(091)

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА*

Михаэль Фридерих, доктор

Дискуссия по вопросу, какую же позицию занимал Тукай по отношению к религии, широко развернулась после 1925 г.¹ Поводом стала статья Фатхи Бурнаша, написанная в 1925 г. в качестве введения к сборнику произведений поэта, который редактировал сам Ф.Бурнаш². Он писал: «Как только появились его первые, еще несовершенные стихи, (...) он начал открытую войну против лиры религиозности»³. В качестве подтверждения своей мысли он привел стихотворения Г.Тукая «Япунияне мөселман идәк голяма нәрәдә?» и «Мөридләр каберстанындин бер аваз»⁴. Правда, совершенно неназванными остались «серьезные» религиозные стихи Тукая, в которых не тематизирована борьба с религиозностью, а поэт сам рассуждает о религии, причем не с критических позиций⁵.

Острая критика, которую вызвала статья Ф.Бурнаша сразу же после своего появления, сконцентрировалась вокруг вопроса о религии и религиозности. Сам Бурнаш затронул только тему «Тукай и религиозность». Теперь же «ультралевые» критики заявляли, что он преднамеренно и совершенно осознанно не поставил вопроса об отношении Тукая к религии, потому что он намеревался представить поэта как «безрелигиозного революционера» (динсез революционер)⁶.

И «ультралевые» критики конца 1920-х гг. не спорили с тем, что Тукай

был против религиозности. Однако такая позиция ни в коем случае не оценивалась как революционная. Стихи, написанные Тукаем в подобном духе, являлись в большей степени только «стихотворной формой лозунгов, выдвинутых либеральными религиозниками того времени»⁷. Для этой части татарского населения, в том числе и Тукая, речь шла не о борьбе с религией, а всегда только о борьбе против «религиозности» (динчелек). Махмут Максут, статьи которого отличались многочисленным перечислением плакатных политических формул и лозунгов, в середине 1928 г. писал: «Согласно Тукаю, суть проблемы находилась не в корнях дерева, а в его верхушке»⁸. Тем самым М.Максут представил четкую формулировку того, в чем джадидисты обвинялись советской критикой = «реформаторство». Соответственно и обвинение в адрес Фатхи Бурнаша и его единомышленников, как Ахмет Гумеров и Мансур Крымов, являлось обвинением в адрес джадидизма⁹.

Статья Фатхи Бурнаша была воспринята «ультралевыми» критиками как благоприятная возможность активно и усиленно заняться выяснением отношения Тукая к религии. С конца 1920-х гг. страницы татарской прессы заполнили статьи, посвященные этой теме. Кредо этих публикаций являлось то, что Тукай, самое позднее с конца 1907 г., представал в своих стихах как «стопроцентный религиозный

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2011, № 2–4.; 2012, № 1, 2.

реакционер»¹⁰. Тукай «от всего сердца был религиозен», «с самого первого дня до последнего своего вздоха он не расставался с Кораном»¹¹. По мнению С.Муртазина, высказанному в конце 1929 г., ни один человек, который хотя бы чуточку знаком с марксизмом, не может определить Тукая как атеиста¹². Мало того, что он сам никогда, ни во время первой русской революции 1905 г., ни в последующие годы реакции, не отказывался от религии, от веры в судьбу, Бога и пророка¹³, он, по словам Г.Бакирова, в своих произведениях, особенно в стихотворениях для детей, пропагандировал религию и призывал к вере¹⁴. Махмут Максуд заметил это уже в середине 1928 г. и в качестве примеров назвал следующие стихотворения «Аллаһ тэбарак вә тәгалә», «Барәкә» (?)¹⁵, «Ана догасы», «Туган тел» и «Анна илә бала»¹⁶.

Не только Тукай и его якобы положительное отношение к религии оказались в конце 1920-х – начале 1930-х гг. под огнем критики. Критиковались и те, которым, подобно Ф.Бурнашу, приписывалось, будто они считали Г.Тукая «борцом против религии»¹⁷. Для таких критиков, в первую очередь, речь не шла даже о понимании Тукаем религии. Их более всего привлекала позиция тех, кого они считали непрогрессивными, замалчивающими все революционное, и попытка представить Тукая как антирелигиозного революционера оценивалась не более чем попытка представить такими именно себя и скрыть тем самым свои реакционные религиозные и националистические взгляды¹⁸. Бывший мулла, позднее главный редактор журнала «Фән һәм дин» Галиасгар Гафуров (Чыгтай), осмелился даже сделать рискованный вывод: «Есть такие люди, которые говорят, что Г.Тукай был нерелигиозным. (...) Есть и такие, которые говорят, что если бы Тукай был жив, то он стал бы революционером. (...) Все эти слова не годятся ни на что, кроме как показать отношение к революции тех, кто их произносит. Если же посмо-

треть на это предложение с другой стороны, то возникает такая фраза: «Если бы тот, кто произнес его, жил во времена Тукая, то он и сам был бы реакционным религиозником»¹⁹. Поскольку лица, подвергавшиеся такой критике, еще были живы, то из этого вывода следовало, что эти люди не изменились и остались в названном качестве. Саях-Какук определил их как «элементы, завернувшиеся в советское одеяло» и поставил их на одну ступень с главными «реакционерами», сбежавшими от Советской власти за границу – Гаязом Исхаки и Садри Максуди²⁰.

Утверждение, сделанное «ультра-левыми» критиками в конце 1920-х – начале 1930-х гг., о том, что Тукай являлся религиозным реакционером, а его мышление, творчество и вся деятельность были если не полностью религиозно мотивированы, то находились под сильным религиозным влиянием, в реальности не доказывается ни стихами и статьями Г.Тукая, ни воспоминаниями его современников. Конечно же, оно не соответствует истине. Но то, что эти критики увидели совершенно правильно – Тукай не был чужд религии и не был настроен против нее. Они правомерно отметили, что критика Тукая в адрес различных проявлений и личностей, связанных с религией, не является критикой собственно религии. С осуждением «ультра-левых» такое утверждение было признано неверным и отвергнуто. И до 1960-х гг. в советской татарской критике не было никого, кто обращал бы на это внимание. И позднее оно было «вновь открыто» лишь отдельными интеллектуалами. Но и до конца Советского Союза такую точку зрения не поддерживало большинство.

«Контрреволюционные националисты показывали трудящимся творчество Тукая, грубо искажая его. Наряду с самой различной клеветой в адрес поэта, они старались полностью скрыть один из самых ценных моментов его творчества – момент атеизма»²¹. Тукай – поэт, в творчестве кото-

рого можно найти атеистические моменты – такое абсолютно новое и противоречащее всем предыдущим представление выразил в статье, посвященной 25-й годовщине со дня смерти Тукая, критик М.Гимадиев, имя которого впоследствии не встречается вообще. Бесспорные факты из недавнего прошлого Гимадиева особенно не заботили, это были уже не «контрреволюционные националисты», осужденные в период «великой чистки», вроде Фатхи Бурнаша, которые представляли Тукая как сторонника религии. Теперь они заявляли, что он был антирелигиозно настроен. Тот, кто остро критиковал его мнимую или реальную религиозность, становился врагом из противоположного лагеря, лагеря «ультралевых». Эти две группы «врагов социализма и Советской власти» были «устранены» в 1938 г.

Для реабилитации и советской стандартизации Тукая с конца 1930-х гг. было важным, чтобы также и его отношение к религии удовлетворяло идеологическим требованиям – так что он теперь должен был превратиться в противника религии. Но поскольку эта позиция поддерживалась только что уничтоженными «контрреволюционными националистами», эта точка зрения была брошена в один котел с мнением «ультралевых» и на место ее была заявлена позиция «Тукай – антирелигиозный поэт» как совершенно новая, как достижение сталинской критики конца 1930-х годов.

Аргументы, приведенные М. Гимадиевым в качестве «доказательств» антирелигиозности Тукая, идентичны тем, что выдвигали «ультралевые» в конце 1920-х гг., или тем, что поддерживали «контрреволюционные националисты» в середине 1920-х гг. М.Гимадиев и его коллеги с конца 1930-х гг. также считали, что из борьбы Тукая против религиозности (динчелек) следует, что в основе своей он был противником религии. «В основе» потому, что, по словам Гимадиева, «Тукай жил в очень пеструю эпоху

резких перемен» и поэтому «не смог вырасти до настоящего материалиста».

После Второй мировой войны, когда не было каких-либо усилий представить Тукая как нерелигиозного или же антирелигиозного поэта, эту тему вновь поднял Хасан Хайри во втором издании своего учебника для татарских школ. Он вторил Гимадиеву: «В 1908–1912 гг. писал и стихи в атеистическом духе»²². В 1950 г. М.Гайнуллин сделал весьма примечательное наблюдение: «Даже несмотря на то, что Тукай и сам не смог до конца оторваться от религии (...), его произведения служат атеистическим идеям»²³. А через год Гали Халиту было уже совершенно ясно: «(...) то, что в творчестве поэта оказало самое сильное влияние на народ – это его атеистические тенденции»²⁴.

В начале 1956 г. на первый план выступил дипломированный специалист по материи (и духу) – кандидат философских наук Зиннат Ишмухамметов. Если критики с конца 1930-х гг. все говорили «только» об атеистических моментах или тенденциях в творчестве Тукая, то З.Ишмухамметов пошел дальше и открыл «атеизм Тукая». В отличие от Гимадиева, который в 1938 г., по меньшей мере, высказал легкие сомнения, он признал, что Тукай был «материалистом»²⁵. З.Ишмухамметов, который и в последующие годы много писал на эту тему, был самым решительным сторонником атеизма Тукая. В статье «Шагыйрь дине камчылый», появившейся в середине 1961 г., он непоколебимо защищал свою позицию: «Да, Тукай был атеистом, и его творчество и атеистические мысли и сегодня являются сильным оружием против остатков религии»²⁶. Венцом среди всех работ З.Ишмухамметова и итогом всего того, что он писал на данную тему, стала его 71-страничная монография «Тукай атеизмы», изданная в 1971 г. в Казани. Названия глав здесь говорят сами за себя: «Как оценивать атеизм Тукая?» (с. 5–16); «Г.Тукай: религия служит капиталу» (с. 16–32);

«Отрицание Аллаха – подтверждение человечности человека» (с. 32–40); «Художественная фантазия – это не религиозная фантазия» (с. 40–51)²⁷; «Религия отравляет сознание человека» (с. 51–66)²⁸. Самое примечательное во мнении З.Ишмухамметова – он прямо и непосредственно связывал атеизм Тукая с остальными основополагающими позициями (советского) социализма: с борьбой против капитала и эксплуатации, борьбой за свободу и прогресс и с выступлениями за советский патриотизм²⁹.

После того как Тукай с конца 1930-х гг. был освобожден от обвинений в «идеализации религии»³⁰, а его понимание религии было подогнано к требованиям советских, социалистических канонов, его произведения вновь были включены в татарские учебники и хрестоматии. Теперь стихотворения Тукая использовались учителями для атеистического воспитания учащихся, определялись и восхвалялись в качестве таковых³¹. Совершенно противоположные оценки отдельных произведений при этом удивительны. Например, если для З.Ишмухамметова основным мотивом стихотворения «Сабыйга», написанного в 1910 г., является «нейтрализация религиозных чувств» и в данном случае речь идет об «атеистическом произведении»³², то для писавшей практически в то же время татарской эмигрантки Наиле Бинарк это стихотворение является «выражением веры в Бога»³³. Но в социалистическом Татарстане стихи Тукая считались важными для атеистического воспитания детей, они рассматривались как вполне подходящие и для продолжения «образования» взрослых: в антологию татарской антирелигиозной литературы, вышедшей в 1970 г. в Казани под названием «Ожмах сезгә, дөнъя безгә», включены многие стихотворения Г.Тукая³⁴.

Даже если не все советские критики шли так далеко, как З.Ишмухамметов, определяя Тукая как атеиста, все же мнение о том, что во многих своих

произведениях он занимал антирелигиозную позицию, продолжало существовать до распада Советского Союза. Мне кажется невозможным, чтобы критики не видели разницу между «религией» (дин) и «религиозностью» (динчелек). И все же то, что они приравнивали борьбу Тукая против религиозности (динчелек) к борьбе с религией, можно объяснить идеологическими причинами: только неверующий поэт мог быть социалистическим героем.

В конце данного раздела я хотел бы сделать личное наблюдение. В музее Габдуллы Тукая в деревне Кырлай, в которой он провел большую часть своего детства, среди прочих экспонатов есть фото похорон поэта. До конца 1980-х гг. на этих фото можно было видеть «народ», гроб и могилу». В декабре 1993 г. один из сотрудников музея сообщил мне, что только в 1991 г. стало возможным выставить в экспозицию оригинальные фотографии, на которых можно видеть и представителей мусульманского духовенства, которые, как сообщала тогдашняя татарская пресса, отдали последнюю честь поэту, прочитали Коран над его могилой и молились за него³⁵.

Круг замкнулся: после распада Советского Союза представление об отношении Тукая к религии в целом идентично таковому, которое поддерживало большинство современников Тукая до Октябрьской революции.

3.2. «Нация»: национализм или интернационализм

Поиск национального самосознания в первом десятилетии XX в. являлся одним из важнейших духовных течений в среде молодых «татарских» интеллектуалов, писателей и поэтов. Это был отход от джадидизма или его дальнейшего развития в том смысле, что представлял собой попытку при определении «татар» вместо религиозного момента («ислам», «мусуль-

мане») разработать и сильнее подчеркнуть этнический элемент. Из частого употребления выражений «миллэт», «миллият» и «милли» до и после 1905 г., на мой взгляд, не стоит делать вывод о существовании татарского национализма с конкретными политическими требованиями. «Татарский национализм» в начале столетия являлся, прежде всего, культурным проявлением. «Милли», национальный, долгое время был синонимом для всего, связанного с «родным языком», и этот язык, если оценивать задним числом, ни в коем случае нельзя полностью отождествлять с современным татарским литературным языком (см. об этом подробнее в главе II.3). Представления о том, что же понимать под понятиями «миллэт» или «миллият», были слишком гетерогенными, чтобы говорить о «татарском национализме»³⁶.

«Г.Тукаев воспеваает то, что имеет смысл для татарского сердца. Татары, которые читают, поют и слушают его песни³⁷, поют и слушают свои песни. Они являются хозяевами всех смыслов и чувств в стихах Г.Тукаева. Поэт же находится в положении их переводчика. Если чьи-то многие стихи национальны, то правильно называть такого человека «национальным поэтом». (...) И если мы назовем нашего Габдуллу Тукаева «национальным поэтом», то мы будем как раз действовать согласно этому правилу»³⁸. Такими словами 20-летний Габдрахман Сагди характеризовал 23-летнего Габдуллу Тукая и в качестве примеров называл других признанных «национальных поэтов» – Пушкина и Лермонтова для русских, Байрона – в английской литературе, Гете – в немецкой, Амрал-Кайса – в арабской, Хафиза Ширази – в персидской, а также Фузули и Суфи Аллахияра – в «турецкой»³⁹.

Высказывание Габдрахмана Сагди – это постулат: он не определяет, какие «смыслы» скрываются в татарском сердце и не называет никаких примеров из стихотворений Тукая, в которых

находила бы выражение эта «эссенция татаризма». Именно эта отсутствующая конкретизация имела бы здесь значение, и она показывает, что под «татарами» подразумевается не какой-то определенный слой населения, а народ в целом.

В 1913 г. и Галимджан Ибрагимов подтвердил то большое значение, которое примерно с 1907 г. имели «национальные чувства» в мыслях и творчестве Тукая. В отличие от предыдущего творчества, в котором «молодой Габдулла поддавался любому влиянию эпохи и среды и присоединялся к каждому течению, которое возникало вокруг него»⁴⁰, уже со стихотворения «Үз-үземә» (ноябрь 1906 г.)⁴¹ поиск национального самосознания стал одним из основополагающих мотивов в творчестве Тукая, от которого он сам себя уже больше не мог отделить. И это не противоречит тому, что во многих своих сатирических произведениях он высмеивал национализм («миллэтчелек») ⁴².

Так же, как дискуссия об отношении Тукая к «религии», обсуждение его позиции относительно «нации» определялось различными интерпретациями двух понятий – «миллэт» (или позднее – «халык») и «миллэтчелек».

До начала 1920-х гг. все критики были едины во мнении, что понятие «миллэт» для Тукая имело положительную окраску. Но так же, как и Габдрахман Сагди в 1909 г., они не поясняли, что понимается под «миллэт», значение этого понятия оставалось неясным. Так, Шакирзян Мухаммедьяров еще в 1918 г. писал: «И тогда твое имя будет жить, пока будет жить нация, будет расти, пока растет нация, будет подниматься, пока поднимается нация»⁴³. Точки зрения о позиции Тукая относительно «миллэтчелек» до 1920-х гг. встречаются редко. Однако из его стихотворений и статей совершенно ясно, что он не симпатизировал национализму и его представителям (миллэтче), а наоборот, упрекал их в том, что они перевернули хоро-

шую идею и использовали ее лишь в собственных интересах⁴⁴.

Насколько мне известно, первым критиком, который обвинил Тукая в том, что он был «религиозником» (динче), стал Галимджан Нигмати – в статье, посвященной 10-й годовщине со дня смерти поэта, в апреле 1923 г. В той же статье он также определил Тукая как националиста (милләтче) и подтвердил свое мнение тем самым стихотворением, которым в 1913 г. Галимджан Ибрагимов начал «национальную фазу» в творчестве Тукая «Үз-үземә»⁴⁵. Являлось ли обвинение Тукая якобы в национализме провозвестником более крупных мероприятий против «националистов» со стороны советского руководства, об этом говорить довольно сложно. Однако арест самого высокопоставленного партийного функционера из нерусских народов Мирсаида Султангалиева 4 мая 1923 г., в Москве и 4-й пленум ВКП(б) в июне 1923 г., на котором были сужены права и полномочия национальных республик и областей, дали ясно понять, что борьба с «местным национализмом» для партии является более важной, чем борьба против «великорусского шовинизма»⁴⁶. Так же, как и в случае с религией, обвинение Галимджана Нигмати, сделанное в апреле 1923 г., не вызвало заметного резонанса в татарской прессе. Образ Габдуллы Тукая как «национального татарского поэта» после появления этой статьи не пострадал.

Прошло еще около пяти лет, прежде чем борьба против «национализма» стала одной из главенствующих тем политических, а значит и литературных дискуссий в Татарстане. С 1927 г. партия значительно активизировала мероприятия против «националистических» функционеров и литераторов. Султангалиев был повторно арестован в 1928 г., обвинен в национализме⁴⁷ и отправлен в ссылку на Соловецкие острова в Белом море, где его следы теряются. Партийный и государственный аппарат Татарской АССР

также начал большие акции с целью «чистки». К самым высшим по рангу ее жертвам принадлежат председатель исполкома Мансуров и первый секретарь обкома Сабиров⁴⁸. В ноябре 1929 г. руководство в Москве объявило о победе над «султангалиевщиной»⁴⁹.

Акции, начавшиеся в 1927 г., были направлены, однако, не только против партийных и государственных функционеров, а также и против «татарских образовательных учреждений и против татарского союза писателей».⁵⁰ «Национальная буржуазность» и «султангалиевизм» были вскрыты как основные трудности, мешающие развитию советской татарской литературы с начала 1920-х гг.⁵¹. Сторонники этих вредных течений, конечно же, при этом не выступали открыто, а «скрывались кто под «советской», а кто даже под «коммунистической» маской».⁵² В качестве «националистов» вначале были разоблачены Фатхи Бурнаш, Касым Мансуров, Бурундуков, Махмут Будайли, Сагит Сунчалый, Гумар Галиев, Фахрельслам Агиев и Ахмет Рахманкулов⁵³. Основной удар по «националистическим» писателям был нанесен летом 1930 г.: была раскрыта «тайная и контрреволюционная организация» «Жидегән»⁵⁴, основанная будто бы весной 1928 г. в Уфе⁵⁵. Хотя из названия следует, что речь должна была идти о семерых личностях, почти постоянно упоминались только пятеро: Гадель Кутуй, Тухфат Ченакай, Наки Исанбет, Габдрахман Минский и Сайфи Кудаш⁵⁶. Татарская пресса была переполнена статьями и сообщениями, которые осуждали хотя и не совершенные, но все же запланированные «преступления» группы и ее цели. В одной из первых статей об организации «Жидегән» еще до того, когда речь зашла об ее мнимых планах, было четко заявлено, как следует обходиться с подобными «вражескими элементами»: «ликвидировать»⁵⁷. А пятеро названных писателей были охарактеризованы следующим образом: «А.Кутуй – сын фабриканта – до на-

стоящего времени тайно поддерживает связи со своими родственниками. Подхалим, прячущийся за красной маской, карьерист и пустослов. С.Кудаш – с головы до ног националистический поэт. Он агент национальной буржуазии. Исанбет – гнилой националистический поэт, который при виде ханских дворцов в Бахчисарае восклицает: «Вот ведь жила нация!» и начинает мечтать о возвращении ханов в эти дворцы. Ченакай – пальцем о палец не ударил для революции, «литературный инвалид», который в настоящее время реконструкции годится только для мусорной свалки. Минский – сын астраханского мясника. Парень, который когда-то очень мучился, стараясь писать «очень по-красному»⁵⁸. По мнению Мирзы Давитова, автора характеристики, эти пятеро предполагали восстановить диктатуру в стиле Чингисхана и диктатуру капиталистов⁵⁹. Пятеро названных писателей были арестованы и осуждены в феврале 1931 г. Проведя девять месяцев под арестом, они вновь были освобождены, по видимому, из-за того, что обвинение в «национализме» не подтвердилось, как об этом вспоминала Галима Кутуева в 1982 г.⁶⁰ После раскрытия группы «Жидегэн» борьба против «национализма» в татарской литературе несколько приутихла, однако она продолжалась вплоть до первого съезда советских писателей, состоявшегося в августе 1934 г.⁶¹ Так же неожиданно, как она началась, так же внезапно она завершилась после съезда. Мне неизвестна ни одна статья в татарской прессе, которая появилась бы в новый период, в 1935–1938 гг. и в которой основной темой являлся бы национализм.

В конце 1920-х гг. было исключительно опасно быть обвиненным в «национализме». Точно так же, как и почти все его современники, начавшие писать еще до Октябрьской революции, и Г.Тукаю поставили в вину, что он выступал за сильную нацию, придавал нации фундаментальное значение.

В отличие от тех своих современников, которые еще были живы, Г.Тукай, скончавшийся в 1913 г., не мог быть лично привлечен «к ответственности» за свои взгляды, не мог предстать перед судом и быть осужденным. Такое состояние, когда критика в его адрес звучала задним числом, стало основой того, что в отличие от обвинений в адрес «живущих националистов» она принимала сравнительно мягкие формы. «Ультралевые» критики конца 1920-х – начала 1930-х гг. никогда не определяли Тукаю как «простого националиста» или «шовинистического националиста». Правда, они не приняли аргументации Фатхи Бурнаша, который в 1926 г., одновременно со своими высказываниями на тему «Тукай и религия», обратил внимание только на то, что Тукай отверг «фанатичных национальных ворон», т.е. националистов, но не привел никаких высказываний об отношении Тукаю к нации⁶², а для «ультралевых» критиков это означало, что Ф.Бурнаш по меньшей мере хочет замолчать, если не оспорить, значение нации в мыслях и творчестве поэта. Ф.Бурнаш привел цитату из стихотворения Г.Тукаю «Миллэтчеләр»⁶³: «Татарский народ! Ты осужден на смерть, ты отравлен так, что лекарства не помогут. (...) А националисты тебя только обманывают, говорят: выздоравливаешь (ты так быстро)»⁶⁴. Эти слова для Ф.Бурнаша означали, что Тукай был против националистов. Фатых Сайфи-Казанлы, один из главных представителей «ультралевых», не оспаривал подобную интерпретацию, но пошел еще дальше. Это стихотворение – он цитировал именно приведенные выше строки – для него показало, что нация была очень важна для Тукаю. Тукай критиковал националистов – Ф.Сайфи-Казанлы называет здесь Алим Мардана Топчибашева, Б.Ахтямова, Ш.Мухаммедьярова, Садри Максуди, Габдрашита Ибрагимова и Вагиза Наврузова – за то, что они не выступали за нацию, а это, по мнению Ф.Сайфи-Казанлы, означало, что Ту-

каю «нужны настоящие, искренние националисты».⁶⁵ Такое отношение к нации и националистам сформировалось уже в самом начале его литературного творчества и прослеживается вплоть до последних его произведений, и это, например, проявляется в стихотворении «Аң», опубликованном 5 декабря 1912 г. в первом номере одноименного журнала. В нем поэт ясно показывает, что он отказался от прежних «шаблонных необходимостей», таких как «нам нужна музыка», «необходимо знание», «необходимо просвещение» – теперь он понимает необходимость «разумных националистов»⁶⁶. Забота о «нации» и забота о «религии» были, по мнению Г.Тулумбайского, основными мотивами в творчестве Г.Тукая, и он никогда не порывал с ними⁶⁷.

Примечательно, что такой анализ поэта со стороны «ультралевых» критиков в конце 1920-х – начале 1930-х гг. довольно точно перекликается с тем, о чем писал Галимджан Ибрагимов еще в 1913 г.⁶⁸ Об этой схожести, однако, не говорилось в татарской критике ни на рубеже 20–30-х гг., ни позднее. Причина этого совершенно понятна: Г.Ибрагимов предпринял свой анализ в 1913 г. исходя из такой точки зрения, которая в советское время была осуждена и отвергнута как «буржуазная». После Октябрьской революции он, по крайней мере, внешне все больше дистанцировался от тех позиций, которые он занимал до 1917–1918 гг. В конце 1920-х гг., когда Г.Ибрагимов все больше и чаще становился объектом критики, упрекавшей его в том, что он представлял «националистические позиции»⁶⁹, а он пытался отвергнуть эти упреки с помощью словесного радикализма⁷⁰, те критики, которые придерживались «ультралевой» точки зрения, анализировали Габдуллу Тукая и его творчество практически аналогично дореволюционному Г.Ибрагимову⁷¹. Согласие с этой схожестью показало бы, что, с одной стороны, этот анализ не был достижением времени форсированного строительства социализ-

ма, а с другой – он уже был прозван «классовым врагом», бывшим представителем буржуазной точки зрения «искусства ради искусства» и человеком, который ныне симпатизирует националистам. А после реабилитации Г.Ибрагимова в конце 1950-х гг. с этой схожестью также соглашались мало, потому что тогда бы это означало, что клеветущие и поносящие Тукая деклассированные представители «вульгарного социологизма», т.е. ультралевые, по многим пунктам оценивают и анализируют Тукая, что и Галимджан Ибрагимов, который теперь вновь определялся как «классик татарской литературы»⁷². На мой взгляд, то, что анализ Габдуллы Тукая, предпринятый с двух совершенно противоположных точек зрения, привел примерно к одинаковому результату, показывает, что этот результат имеет определенную степень правильности, которую никогда не смогли достичь татарские советские критики.

Точно так же, как и борьба против национализма и националистов прекратилась в татарской литературе после 1934 г., после 1933 г. не появилось ни одной статьи, в которой Тукай определялся бы как националист.

Со второй половины 1930-х гг. начался радикальный пересмотр отношений между Тукаем и «нацией». В первую очередь, причиной этого стал требуемый партией пересмотр дооктябрьского периода вообще. Национальная борьба за свободу теперь определялась как часть первой русской революции 1905–1907 гг. и тем самым превратилась в «наследие всей советской семьи. Она стала пониматься как широкое многонациональное сопротивление, и при этом обязательно отмечалась русская руководящая роль»⁷³.

В 1938 г. Гали Халит сформулировал это следующим образом: «В это время движение национальной свободы шло вместе не с буржуазными выступлениями, а с рабочим движением. И по этой указанной причине Тукай действовал в этом направлении,

поддерживая борьбу татарской нации за национальную свободу и требуя ее»⁷⁴. И это решающим образом отличало его от «буржуазных националистов», вроде Фатыха Амирхана, которые никогда не заботились о татарском народе, а пеклись только о «национальной судьбе крупной буржуазии»⁷⁵. И из этого следовало: «Национальные чувства» Тукая были совершенно противоположны «национальным чувствам» буржуазных националистов»⁷⁶. Такое переосмысление Тукая покоилось на известной сталинской формуле о национальной форме и социалистическом содержании. Тукай очень просто был причислен к «хорошей» части националистов, для которых, как утверждалось, вообще речь шла не о нации, а о социализме. И точно так же ничем не доказываемая, но заявляемая «близость Тукая к народу» служила при этом аргументом, чтобы доказать и «близость Тукая к социализму»⁷⁷.

От этой аргументации оставался лишь маленький шаг до утверждения, сделанного Ахметом Файзи в 1940 г.: враждебное отношение к националистам показывало, что Тукай в целом являлся «интернационалистом»⁷⁸.

Приведенные цитаты из Гали Халита и Ахмета Файзи затрагивают два важнейших пункта, которые лежали в основе презентации темы «Тукай и нация» с конца 1930-х гг. до самого распада Советского Союза. Во-первых, «нация» фактически совпадала с социалистическим представлением о «народе», т.е. с рабочими и крестьянами, с «массой». Даже если использовалось определение «нация» (миллэт), под этим всегда подразумевался «народ» (халык). Как истинный представитель «народа», Тукай решительно противостоял «националистам», которые защищали «нацию», но всегда подразумевали под этим свои собственные, частные интересы. Во-вторых, любовь Тукая к своему народу была неотделима от его любви к «великому русскому народу». У татар Тукай занял ме-

сто старшего из всех младших братьев. Братья младше по возрасту – башкиры, казахи, кумыки, узбеки, азербайджанцы, таджики, удмурты, мари, чувашаи и якуты⁷⁹ – с восхищением смотрели на этого старшего из всех младших братьев. Прежде всего, такое переплетение отношений, когда Тукай выступал в качестве посредника между «старшим» и «младшими», и сделало его интернационалистом. Какой из этих двух пунктов преобладал в период с 1938 по 1986 г., зависело от актуальных политических событий и идеологических требований. Функция, которую выполнял Тукай в советской литературе, подробнее будет освещена ниже.

В годы после Второй мировой войны Габдулла Тукай превратился «в одного из лучших и непоколебимых патриотов татарского народа». И хотя весной 1942 г. это было понятно и без этой констатации, Адель Кутуй, реабилитированный член группы «Жидегэн», добавил: «Творчество Тукая особенно в условиях настоящего времени является исключительно сильным патриотическим творчеством». Патриотизм Тукая формировался и рос в «борьбе против мировой реакции, в любви ко всему прогрессивному человечеству, (...) в любви к своему народу, к своей родине и ко всем народам, проживающим в ней, (...) в глубоком оптимизме»⁸⁰.

«Советская родина», «советская отчизна», «советский патриотизм», «дружба народов СССР» – все эти понятия и представления, введенные в оборот Сталиным в середине 1930-х гг. и совмещенные с социализмом, были перенесены на творчество Тукая, и он представлялся как их активный поборник. Имелось два высказывания Тукая, с помощью которых «доказывалось», что поэт стремился к цели, которая впоследствии превратилась в советскую реальность. Первое – это строки из стихотворения «Китмибез!»⁸¹: «Наша самая великая цель – свободное государство, свободная Россия». Для

Аделя Кутуя это означало: «Габдулла Тукай видит своей священной родиной не только Татарстан⁸², но и всю Россию»⁸³. Аналогия была ясной: для настоящего времени вместо «России» следовало читать «Советский Союз». В 1942 г. это выразил Латыф Заляй. Указанные слова Тукай для него подтверждали, что «мы все больше своей жизни ценим свою родную страну, советскую страну, созданную великими Лениным и Сталиным»⁸⁴. Если первое высказывание использовалось для доказательства «советского патриотизма» и любви к «советской родине», то во второй цитате «со всей глубиной отражалась непобедимая сила сталинской дружбы между народами СССР»⁸⁵. «Вместе с русскими мы жили душа в душу, обмениваясь языком, обычаями и традициями (...) Кончится ли когда-нибудь это историческое единство? Нанизаны мы на единую нить. В войне мы сильнее льва, а в мирной жизни работаем больше лошади»⁸⁶. Эти стихотворные строки очень хорошо подходили под концепцию советских татарских критиков, поскольку в них содержались основные «ценности»: русский образец, которому следовало подражать⁸⁷; «историческое единство», которое в стихотворении затрагивает лишь отношения русских и татар, но в советской интерпретации представало как «социалистическая дружба народов»; героизм в борьбе и «лошадиное» трудолюбие. Элементы, которые не подходили под эту концепцию, критики просто выбрасывали – полное название цитированного стихотворения не приводилось никогда. А оно, как известно, звучало: «Олуг юбилей мөнәсәбәте илә халык өмидләре». Если название приводилось, то только его последняя часть: «Халык өмидләре». Причина понятна: из полного названия видно, по какому поводу написано стихотворение – 300-летие династии Романовых, отмечавшееся в 1913 г.⁸⁸ Советская критика, за исключением «ультралевых», не упоминала этого факта никогда. Она никогда не цитировала и других строчек

из стихотворения, как например, первые строки, в которых царь характеризуется как «белее снега, белее молока, белее всего белого»⁸⁹. И она также никогда не упоминала, что в марте 1913 г. в короткой статье поэт откровенно дистанцировался от этого стихотворения: «Два месяца назад, как будто весь народ призвал меня к молитве, а я же, будто вскочил и, не разбирая то ли полуденный намаз, то ли вечерний, что-то прочитал. Простите меня!»⁹⁰.

Но на такие «мелочи» в годы войны критики не обращали особого внимания. Для них было намного важнее иметь показательную и интеграционную фигуру, которая известна и любима в народе. И для функций, которая должна была исполнять эта фигура, не играло особой роли, имел ли «народ» такое же понимание об этой фигуре, что и политическое руководство. Важно было максимально широкое одобрение. То, что был в качестве такой фигуры выбран именно Габдулла Тукай, на мой взгляд, ясно показывает, что и спустя 30 лет после своей смерти Тукай был самым любимым поэтом татарского народа, или, по меньшей мере, было принято считать, что он был таковым. Такое обстоятельство вновь ставит под серьезное сомнение постоянное повторявшееся с 1920-х гг. утверждение о больших успехах и прогрессе татарской советской литературы. Совершенно очевидно, что даже для верных партии литературных функционеров и критиков была невозможна презентация поэта или писателя, который лучше бы подходил в качестве воплощения советского патриота, сторонника социалистической дружбы народов, чем Габдулла Тукай, скончавшийся за четыре года до Октябрьской революции.

Такое представление о Тукае сохранялось вплоть до конца Второй мировой войны. С 1945 г. и до самой кончины Сталина в 1953 г. советская культурная политика определялась Андреем Ждановым. «Погром против культурной и интеллектуальной жизни»,

инициированный кампанией против журналов «Звезда» и «Ленинград» в конце лета 1946 г. и в русской культуре и литературе направленный против «космополитизма» и «формализма», в нерусских республиках проводился как «крестовый поход против «буржуазного национализма»⁹¹. Отмечалось, что в годы войны в написании истории и в литературе у многих нерусских национальностей проявились «вредные» тенденции, имевшие только одну цель: идеализация феодального прошлого, которое представлялось как «золотая эпоха»⁹². В татарской литературе, прежде всего, критиковались две пьесы Наки Исанбета, который еще в начале 1930-х гг. был раскрыт и осужден как член группы «Жидегән» – «Идегэй» и «Жирән чичән»⁹³. Увлечение прошлым, по мнению А.Фадеева, который в середине 1947 г. являлся председателем Союза писателей СССР, не должно быть полностью отвергнуто, но при этом следует помнить о том, что «имелись две России»: плохая Россия царей, эксплуатации, произвола и хорошая Россия декабристов, демократов, революционеров, Россия Пушкина, Чехова и Горького⁹⁴. К этой «хорошей» России относились и «хорошие националы»: в Казахстане – Абай Кунанбаев, в Азербайджане – Мирза Фатали Ахундов, в Татарстане – Габдулла Тукай⁹⁵.

Поляризованная картина мира, имевшаяся в современности, – ясное различие между добром и злом, между другом и врагом – могла быть перенесена и на прошлое. При этом Тукаю приписывалась функция освещения современности из прошлого. Это было не только дальнейшим возвеличиванием Тукая, но и обострением критики современных авторов и интеллектуалов: взгляды, к которым Тукай пришел еще до Октябрьской революции, в несравнимо более сложных условиях, некоторые личности все еще не могли воспринять и спустя 40 лет.

И во время так называемой «дискуссии об эпосах» в начале 1950-х гг.⁹⁶

Тукай послужил блестящим образцом. В этой кампании, продолжавшейся с весны 1951 г. до лета 1952 г., эпосы всех тюркских народов были осуждены как носители националистических идей и им было отказано в существовании в Советском Союзе, который являлся оплотом социалистической дружбы народов⁹⁷. Салих Батыев, тогда заместитель Председателя Совета Министров ТАССР, в феврале 1953 г. признал наличие «национализма» в татарской культуре и литературе и завершил свои высказывания по этому поводу мастерской формулировкой: «Национализм – это космополитизм, уничтожающий национальную гордость народа и пропагандирующий антипатриотизм»⁹⁸. И чтобы избежать подобных ошибок, все современные авторы должны опираться на пример Габдуллы Тукая, который стал «классиком татарской национальной поэзии» и «поэтом-новатором», который «обучался у своего собственного народа и у русских классиков»⁹⁹.

Итак, и после Второй мировой войны «нация» и «народ» приравнивались друг к другу. И опять-таки постоянно внушалось, что «прогрессивная» часть нации переросла в социалистический народ. Однако, в отличие от конца 30-х гг. и военных лет, после 1945 г. ни разу не была предпринята попытка представить Тукая как борца за (советский) патриотизм и социалистическую дружбу народов с помощью цитат из его произведений. Декламация заменила последние остатки приводимой в оправдание аргументации. Полное единство Тукая, коммунистической партии и советской родины очень ясно продемонстрировало сообщение 1962 г. по поводу 76-й годовщины со дня рождения поэта. Рядом с памятником Тукаю в Казани был организован митинг, на котором «многие татарские поэты прочитали свои стихи, посвященные Тукаю, партии и [советской] родине»¹⁰⁰.

С 1960-х гг. диалектическое отношение между любовью к родине и интернационализмом все более выдвигает

лось на первый план. В 1961 г. педагог Ю.Туишев подчеркнул, что родина (туган як) для Тукая не только место, в котором он провел свое детство, а «родная сторона трудящихся»¹⁰¹. «Только тот, кто любит свой народ, может стать настоящим интернационалистом» — эта основополагающая истина, по мнению Х.Хайри, полностью и во всем подтверждается творчеством Габдуллы Тукая¹⁰². Правда, никаких примеров из Габдуллы Тукая Х.Хайри не привел, точно так же, как и Р.Нафиков, который в 1966 г. заявил, что борьба Тукая против панисламистов и пантюркистов имела интернациональное значение, потому что она была направлена против международных реакционных сил¹⁰³. Десять лет спустя появилось еще одно ничем не подтверждаемое высказывание — на этот раз отметился Наки Исанбет, который приравнял выступление Тукая за «национальную свободу» к борьбе против «колониального рабства»¹⁰⁴. В 1986 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения поэта, Наип Лаисов сделал примечательный вывод: «Тукай — это национальный поэт, рожденный на национальной почве и до конца своей жизни остававшийся национальным поэтом¹⁰⁵(...). Но Тукай был и поэтом-интернационалистом¹⁰⁶. (...) Для него национальное и интернациональное были понятиями, которые обогащали и дополняли друг друга»¹⁰⁷. Как в сталинское время, так и позднее никто, правда, не отрицал такой оценки, и в ее банальной простоте она не потеряет своей действенности и в будущем.

3.2.1. Тукай, русская литература, советские литературы и мировая литература

До смерти Габдуллы Тукая в апреле 1913 г. его творчество рассматривалось в более широких рамках, выходящих за пределы татарского мира. Если не называть языкового влияния со стороны османско-турецкого языка, ни-

кто не отмечал влияния на его творчество классической (чагатайской) литературы Средней Азии, русской или же западной литературы или же обращал внимание на отношения между ними.

Смерть поэта, как было показано выше, стала огромным событием в татарском мире. Поэтому неудивительно, что в статьях, появившихся в татарской прессе по этому поводу, впервые была предпринята попытка поставить Габдуллу Тукая во внетатарский контекст и сравнить его с известными русскими или западноевропейскими поэтами. Эти сравнения не преследовали какие-либо мировоззренческие или идеологические цели, и речь не шла о том, чтобы показать зависимость Тукая от определенного духовного течения или школы или же чтобы вообще «доказать» это. До конца 1910-х гг. сравнения Тукая с известными русскими или «международными» поэтами имело лишь намерение подчеркнуть значение и величие татарского поэта Габдуллы Тукая.

Первым, с кем сравнивали Тукая, был не кто иной, как Александр Пушкин (1799–1837). Шариф Ахметзянов, знакомый Тукая по Санкт-Петербургу, в своих воспоминаниях о поэте приводит эпизод, произошедший во время пребывания Тукая в столице Российской империи. Когда они вдвоем ехали на извозчике по Невскому проспекту, Шариф обратился к гуляющим по проспекту «шикарно одетым» дамам и господам со следующими словами: «Господа, какими бы вы ни были важными, никто из вас еще не разъезжал вместе с Пушкиным, а я вот еду рядом с Тукаем!»¹⁰⁸. К сожалению, читатель не узнает ничего о реакции петербуржцев на подобную декламацию. Параллели между Тукаем и Пушкиным относительно их взглядов на жизнь проводил и Г.Рафики. В качестве доказательства он цитировал две строки из стихотворения Тукая «Шагыйрь»: «Мое сердце всегда останется молодым, никогда не постареет. И душа моя останется сильной, не устанет...»¹⁰⁹. С.Рахманкулый

считал, что через Пушкина можно установить связь Тукая с английским поэтом Байроном (1788–1824), потому что в творчестве Тукая чувствуется «дух байронизма»¹¹⁰. Галимджан Ибрагимов подтвердил, что Пушкин был для Тукая идеалом поэта, что он расположил его «на седьмом небе», что Тукай сам стремился к тому, чтобы подняться на эту высоту. Но Г. Ибрагимов дал понять, что никогда не поддерживал мнения о том, что Тукай этой высоты достиг¹¹¹. И Фатых Амирхан, один из выдающихся татарских интеллектуалов того времени и близкий знакомый Тукая, достаточно скептически относился к сравнению Тукая с Пушкиным. Об этом он писал в 1918 г. в одной из статей, посвященных 5-й годовщине со дня смерти поэта: «Правильно, я не из тех, кто считает Тукая «Пушкиным» нации. Я из тех, кто не ищет «Пушкина» нации в прошлом, а ожидает его в будущем»¹¹².

В первые годы после смерти Тукая, кроме Пушкина, охотно сравнивали с Михаилом Лермонтовым (1814–1841). По мнению Джамалетдина Валиди, высказанному через четыре дня после смерти Тукая, Пушкин и Лермонтов были теми русскими поэтами, которые ближе всего стояли к душе скончавшегося Тукая – то, что двигало ими, то и двигало Тукаем¹¹³. Такое же мнение поддерживали и Гильмутдин Шафарф, и Марьям Мухаэтдиния¹¹⁴.

В одной из статей, опубликованных в газете «Ил» 2 апреля 1914 г., на мой взгляд, впервые была предпринята попытка оценить Тукая в мировом масштабе. Неназванный автор писал: «Тукай подарил [кому? Нам? России? Миру?] ценные стихи, которые ничем не уступают стихотворениям самых первостепенных поэтов мира». Более конкретно выразился Шакир Мухаммедьяров: «Поэт, который умер, не достигнув 26 лет¹¹⁵, сумел оставить татарской нации наследие, которое подобно огромному наследию, оставленному Шекспиром английской нации»¹¹⁶. Кроме того, Ш. Мухаммедьяров срав-

нил Тукая с английским поэтом Томасом Муром (1779–1852)¹¹⁷. Через пять лет, в 1923 г., Джамалетдин Валиди, правда, сделал предупреждение от таких, на его взгляд, преувеличенных сравнений: «Когда оцениваешь Тукая, приходится измерять не с помощью Лондона или Нью-Йорка. Иначе, если забраться на небо и смотреть со звезд, Тукай и вовсе можно не увидеть»¹¹⁸.

В 1920-е – начале 1930-х гг. Тукай также сравнивали с известными русскими поэтами. Так же, как и до того, в первую очередь упоминались Пушкин и Лермонтов¹¹⁹. Но встречались и отдельные сравнения с Алексеем Кольцовым (1809–1842), Николаем Никитиным (1895–1963) и Николаем Некрасовым (1821–1878)¹²⁰.

Единственное сравнение, сделанное в те годы с нерусским представителем мировой литературы, было сделано Фатыхом Сайфи-Казанлы, который в 1931 г. сравнил поэму Тукая «Печән базары яхуд яңа Кисекбаш» с «Дон Кихотом» Сервантеса (1547–1616), подчеркнув, правда, относительность этого сравнения (үз масштабында) с выдающимся произведением испанского поэта¹²¹.

Если сравнивать с предыдущим, а особенно с последующим временем, примерно между 1923 и 1934–1935 гг. Тукай довольно редко сравнивали с представителями нетатарской литературы. Возможно, что объяснение здесь можно видеть в том, что в этот период личность, мировоззрение и творчество Тукая сами являлись предметом частых дискуссий и противоречий. Споры о том, как должны оцениваться Тукай и вся дореволюционная татарская история, культура и литература, остающийся без ответа вопрос, какой путь будет избран для дальнейшего развития общества и культуры в Советском Союзе – вот что находилось в центре внимания. Неясность, которая господствовала при обсуждении этих вопросов, на мой взгляд, и препятствовала формированию единого мнения о том, каковы же были отношения Тукая, с

одной стороны, и русских или «международных» поэтов – с другой.

Упомянувшееся сравнение Тукая с Некрасовым показывает, что с конца 1920-х гг. меняющиеся литературные отношения инструментализировались для политико-идеологических дискуссий. Джамалетдин Валиди, который в 1932 г. был осужден как «буржуазный националист» и впоследствии погиб в одном из лагерей на Белом море, в 1923 г. положительно высказался о том, что Тукай похож на Некрасова в том, что его общественная позиция и его сознание исходят из общественных проблем. И для них обоих подходит оценка в качестве «поэта-гражданина».¹²² Гумар Галиев, один из представителей «ультралевого» критиков второй половины 1920-х гг., в 1926 г. увидел это уже совершенно иначе. Единственное, что было общего между Тукаем и Некрасовым, на его взгляд, было то, что в стихах обоих поэтов имелся пессимистический тон¹²³. Если же посмотреть на основу творчества, на «общественную платформу поэтов», то между ними видна фундаментальная разница. Некрасов, по мнению Г. Галиева, являлся «поэтом-революционером», настоящим борцом за дело народа, духовным вождем и организатором движения народников. Тукай же, напротив, никогда не имел своего идеала (кыйбла), за который он бы боролся, он лишь следовал за разными меняющимися течениями своего времени¹²⁴. И поэтому сравнение с Некрасовым не имеет никаких оснований. И те, кто все-таки проводит подобное сравнение, тем самым пытаются затушевать и замолчать ошибки и недостатки Тукая, а значит, и свои собственные.

Во второй половине 1930-х гг. все существовавшие до того «неясности» были устранены. Это затронуло и те отношения, которые сложились между Тукаем и по-новому признанными старыми «добрыми» русскими классиками. После того, как Сталин отошел от ленинской концепции национальностей, и становилось все очевид-

нее, что «советизация» будет достигаться через русификацию¹²⁵, критики все чаще стали обращаться к теме «Тукай и русская культура/литература». В отличие от 1910-х гг., статьи и монографии, написанные на эту тему с 1935 до 1970-х гг., подчинены ясной политико-идеологической цели. Их задача состояла в том, чтобы показать тесную связь между Габдуллой Тукаем и признанными партией выдающимися русскими литераторами. Роль, которую нерусский Тукай должен был играть при этом, была предельно ясна: он был способным учеником русских учителей, он способствовал распространению «великой» русской культуры и литературы среди татар, а с конца 1950-х гг. больше заявлялось – и среди других нерусских народов Российской империи, и, конечно же, вследствие этого являлся провозвестником «советского патриотизма» и социалистической дружбы народов, т.е. он был «интернационалистом». Теперь уже Тукай не определялся как «эхо татарской жизни, татарского сердца», как это было сделано в 1918 г.¹²⁶ Из публикаций о нем, которые увидели свет со второй половины 1930-х гг., создается впечатление, что он, скорее, был «эхом» великих русских поэтов и мыслителей в татарской среде.

«Тукай был поэтом, который много и с удовольствием пил из родника русской поэзии»¹²⁷ – это основополагающее высказывание, сделанное в 1938 г., часто повторялось и варьировалось в последующие десятилетия. При сравнении Тукая с Пушкиным обязательно подчеркивалось общее: оба они любили народ и придавали огромное значение его литературному творчеству.¹²⁸ Напрямую из этого вытекал и следующий пункт, в котором Тукай следовал своему великому образцу: они оба отмечали, что язык народа должен быть языковой основой литературы. Их старания, чтобы очистить язык от чужого влияния, привели к тому, что они стали основателями соответствующих литературных

языков¹²⁹. По меньшей мере, для Тукая понятно, что такое утверждение связано с идеологическими пожеланиями и довольно трудно доказуемо на примере его реального творчества (см. глава II.3).

Не только мировоззрение и отношение к языку объединяли Пушкина и Тукая. И личная судьба обоих поэтов была схожей, как отмечалось в редакционной статье в газете «Кызыл Татарстан» 15 апреля 1938 г., посвященной 25-й годовщине со дня смерти поэта: «Так же, как и гибель великого Пушкина, застреленного царскими наемниками, смерть молодого Тукая связана с эксплуатацией, давлением и издевательствами со стороны татарской буржуазии, духовенства, националистов»¹³⁰. Из такой схожести Гали Халит в 1949 г. вывел следующее: «Если невозможно представить татарскую поэзию без Тукая, то невозможно и понимание Тукая без Пушкина»¹³¹. Сомнительно или нет, этим высказыванием Гали Халит сделал Пушкина основателем и татарской поэзии – так что он отвечал всем требованиям своего времени, когда все «хорошее» приписывалось русскому влиянию.

После 1938 г. Тукая, кроме Пушкина, сравнивали прежде всего с Лермонтовым, Некрасовым и Горьким (1868–1936). Схожесть с этими писателями была в целом в том же, что и в случае с Пушкиным: любовь к народу, борьба против абсолютизма и эксплуатации, борьба за свободу, огромное значение, которое они все придавали народной литературе. В статьях, в которых Тукай сравнивался с тремя названными писателями, Лермонтов и Некрасов чаще всего упоминались вместе¹³², а Горький, напротив, отмечался отдельно¹³³. Хочу отметить и один курьезный момент: при сравнении Габдуллы Тукая с Михаилом Лермонтовым критики даже не забывали упомянуть тот факт, что оба поэта ушли из жизни в возрасте 27 лет, чтобы подчеркнуть их значительную схожесть¹³⁴.

Сравнения Тукая проводились, однако, не только с русским поэтическим пантеоном, подходившим под советскую схему. С середины 1940-х гг. он превозносился также как литературный критик и общественный деятель. В 1946 г. Мухаммед Гайнуллин выразил это следующим образом: «В области критики он широко использовал и взгляды гениальных мыслителей 19 в. Белинского, Добролюбова (...)»¹³⁵. Два года спустя М.Гайнуллин прибавил к упомянутым двоим еще Герцена и Чернышевского¹³⁶. Исторические факты при этом сравнении не играли никакой роли: например, М.Гайнуллин даже не упомянул об острой критике, которую обрушил Добролюбов на Герцена¹³⁷. Если подтверждения для сравнения Тукая с Пушкиным у критиков достаточно скудны, то утверждение о том, что Тукай учился у предшественников социалистической литературной критике и пытался им подражать, вообще не доказывается текстами из Тукая. Это утверждение выступает на сцену без какой-либо опоры. Что предопределяло сравнение Тукая с представителями молодой, левой интеллигенции в последней четверти 19 в. – это то, что он в своем творчестве оказывал должное уважение повседневной политической жизни. И к Тукаю может быть применено то, что Чернышевский с гордостью замечал в своем основном романе «Что делать?»: «У меня нет ни проблеска художественного таланта. Я не знаю поэтического языка. Но ничего страшного!» Потому что, продолжает он: «Читай, уважаемая публика! Ты прочитаешь меня не без пользы. Истина – очень ценная вещь, она прощает за недостатки писателя, который ей служит – и ты теперь знаешь, что повествование всю свою ценность черпает из своей правдивости»¹³⁸. Так что Чернышевский планировал предложить читателям не поэзию, а правду. Для него литература должна была служить некой политической идее. Он считал, что литературные произведения без идеоло-

гических целей «не должны читаться, и вообще не должны существовать»¹³⁹. Именно этот пункт применялся татарскими критиками после 1945 г. и в отношении Тукая. М.Гайнуллин, рассуждая о вопросе партийности литературы, провел связь между Тукаем и самым известным русским этого столетия – Лениным. М.Гайнуллин заявил, что ему неизвестно, читал ли Тукай статью Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905 г.) или же только знал о ней, и продолжил: «Однако очевидно следующее: в статье Тукая «Тәнкыйть – кирәкле шәйдер», появившейся в 1907 г., очень сильно чувствуется отражение основных мыслей Владимира Ильича Ленина»¹⁴⁰. Это наблюдение М.Гайнуллина, вне зависимости от того, куда оно было направлено, было весьма выигрышным для Тукая: если он знал статью Ленина, то в своей публикации показал себя его старательным учеником, если не знал, то представал еще в более выгодном свете. Потому что в таком случае содержательная схожесть должна была означать, что Тукай сам по себе пришел к таким же взглядам, если не сказать – к «истине», что и Ленин. Тем самым критика Тукая становилась невозможной, так как, если рассуждать последовательно, – она приравнивалась бы к критике Ленина. Но не только для Тукая был близок Ленин, но и для Ленина был близок Тукай. Даже если он его не знал лично, все же вождь Советского Союза знал о значении татарского поэта. Владимир Бахметьев, в начале 1920-х гг. главный редактор казанского издания газеты «Известия», в 1957 г. сообщал о том, что после гражданской войны, встречаясь с представителями Казани, Ленин спросил: «Кстати, как у вас с литературой татарской? Имеются ли достойные преемники этого... как его? Сын муллы, поэт, перевел на свой язык Пушкина, Лермонтова... Абдулла, Абдулла...», Бахметьев, присутствовавший при этом, ответил: «Тукаев!»¹⁴¹. Этот случай постоянно упоминался в

татарской прессе и в 1960-е гг. в качестве «доказательства» того, как высоко Ленин оценивал Тукая¹⁴².

Целью кампании против космополитизма, начавшейся в 1946 г., был показ преимуществ русской культуры по сравнению с западной, европейской. Отмечалось при этом, что Россия имела великую культуру и не должна была ничему учиться у Запада. Для нерусских национальностей Советского Союза это означало, что они еще сильнее, чем раньше, должны привязаться к вышестоящей русской культуре¹⁴³. Многонациональная советская критика показывала величие и преимущество русской культуры также и с помощью высказываний канонизированных «национальных» личностей из прошлого и тем самым пыталась представить советский постулат как исторический факт. Так, например, всегда цитировался казахский поэт и просветитель Абай Кунанбаев: «Учитесь у русских – это ключ к жизни»¹⁴⁴. И о Тукае было заявлено: «Тукай показал, что для татарского народа как воздух и вода необходима великая русская культура, русская литература»¹⁴⁵. О функции таких «национальных просветителей» Лоуэлл Тиллет писал: «Просветитель исключительно необходим, чтобы подтвердить концепцию дружбы народов в дореволюционные времена. Он является живой связью между русской интеллигенцией и нерусским народом, ассимилятором, переводчиком и посредником русской культуры, катализатором исторического развития»¹⁴⁶.

Следующие нерусские «просветители» и поэты принадлежали к канонизированным советской критикой «good natives»¹⁴⁷ (добрые туземцы): Чокан Валиханов (1835–1865), Абай Кунанбаев (1845–1904) и Ибрагим Алтынсарин (1841–1889) у казахов, Мирза Фатали Ахундов (1812–1878) у азербайджанцев, Микаэл Налбандян (1829–1866) и Хачатур Абовян (1805–1848) у армян, Коста Хетагуров (1859–1906) у осетин и, конечно, Габдулла Тукай у татар¹⁴⁸.

Так же, как и канон «национальных просветителей» в советском представлении был установлен и канон их русских образцов. Постоянно назывались в качестве таковых: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Горький¹⁴⁹, Толстой¹⁵⁰, Чехов, Писарев, Белинский, Добролюбов, Чернышевский, короче говоря, «Россия декабристов, революционных демократов, народников, марксистов-ленинистов»¹⁵¹.

Тукай был единственным татаринном, который был включен в этот самый канон «good natives». Правда, его принадлежность к этому кругу была установлена татарскими советскими критиками без обоснования и просто прокламировалась. Мне известна лишь одна статья, в которой его произведения называются как «доказательство» его высокой оценки России и русской культуры. Эта статья появилась летом 1947 г., когда на повестке дня в нерусских областях СССР вновь встала борьба против «националистического уклона». Автором этой статьи был Александр Фадеев, председатель Союза писателей СССР, а приведенные им произведения Тукая – это стихи, которые в этой связи всегда упоминались «Китмибез!» и «Халык өмидләре»¹⁵².

До второй половины 1950-х гг. в представлении «дружбы народов Советского Союза» показывались почти исключительно отношения между отдельными нерусскими народами и «великим» русским народом. Положение изменилось в конце 1950-х гг.: теперь показывались и отношения между разными нерусскими народами. Они также связывались с традициями, уходящими далеко в прошлое, и при этом различия их в религии, языках, историко-культурном развитии оставались не затронутыми¹⁵³.

Такая внутрисоветская «интернационализация» с конца 1950-х, но особенно в 1960-е гг. обогатила портрет Тукая новыми гранями. Впервые «национальные» писатели, поэты, представители интеллигенции очень много начали говорить на тему о Тукае. Это

были, прежде всего, представители этнически родственных татарам тюркских народов Советского Союза, а также проживающих по соседству с татарами финно-угорских народов Среднего Поволжья, но также и таджиков, белорусов, украинцев, которые заявляли о влиянии Тукая на тот или иной народ. Все они подчеркивали то огромное значение, которое имело творчество татарского поэта из прошлого для становления их собственной культуры, и то огромное уважение, которое в настоящее время проявляется ими к Габдулле Тукаю. Важнейшую заслугу Тукая они видели в том, что он стал посредником между передовой русской культурой и литературой и национальными культурами. Эта точка зрения представлялась на различных конференциях и заседаниях, собравшихся, например, в Казани в 1961 и 1966 гг. по поводу 75-й и 80-й годовщин со дня рождения поэта, а также в большом количестве чаще всего коротких статей и сообщениях, которые увидели свет по данным поводам¹⁵⁴. Немалое число тех, кто выступил с докладами или статьями, принадлежало к признанным в Советском Союзе «национальным» литераторам, как, например, узбек Гафур Гулам (1903–1966), туркмен Берды Кербабаяев (1894–1974) и казах Сабит Муканов (1900–1973). Поскольку они представляли себя учениками Тукая, они придавали историческую легитимность себе как советским «национальным поэтам».

Большое влияние, которое Тукай оказал на выдающихся представителей разных народов в прошлом, и большая популярность, которой он пользовался у этих народов в современности, – все это только заявлялось. Исторические источники, которые подтверждали бы это, отсутствуют полностью, в чем же состояло это влияние конкретно, не поясняется. Поэтому я не хотел бы приводить здесь эти стереотипные высказывания по отдельности, а, разделив всех по национальности, только упомянуть личности, которые явля-

лись их авторами, а если имеются, называть тех поэтов прошлого, на которых они делали ссылки. Большое влияние Тукая на башкирскую литературу рекламировали Сагит Агиш, Резеда Ганиева и Баязит Бикбай¹⁵⁵. То, что Тукай был важен для казахов, как и собственный национальный поэт Абай, подчеркивали А.Гумар, Габид Мусрепов и Чакан Сыздыков¹⁵⁶. В Киргизстане, по мнению Камчы Джунусова, Габдулла Тукай был известен и очень высоко почитался повсюду.¹⁵⁷ О значении Габдуллы Тукая для развития уйгурской литературы в целом, и уйгурского поэта Лутпуллы Муталлипа (1922–1945), в частности, говорили Гази Кашшаф и Г.Сагдевакказов¹⁵⁸. Влияние Тукая на узбекских поэтов Мукуми (1850–1903) [!] и Абдурауфа Фитрата (1886–1938(?)) и на себя самого отмечал Гафур Гулам¹⁵⁹. Кроме того, по мнению Шерали Турдыева, сильно повлиял Тукай и на узбекского просветителя Абдуллу Авлани (1878–1934) и поэта Хакимзада Хамза Ниязи (1889–1929).¹⁶⁰ Как объяснял туркменский советский поэт Берды Кербабаяев, Тукай был для него самого очень важен, и из чувства благодарности к татарскому поэту он перевел его стихи на туркменский язык¹⁶¹. Как современник Мирзы Алиакбара Сабира (1862–1911), Тукай, по словам азербайджанского национально-го поэта Сулеймана Рустама и профессора Азиза Шарифа, неразрывно связан с азербайджанской литературой¹⁶². Основатель кумыкской литературы Нухай Батырмурзаев (1897–1919), как считал Султанмурат Акбиев, многим обязан Габдулле Тукаю, точно так же, как и современные кумыкские поэты Адым Аткай и Анвар Аджиев¹⁶³. «Великий просветитель таджикского народа» Ахмад Дониш (1826–1897) многими своими чертами очень похож на Габдуллу Тукая¹⁶⁴, а Садриддин Айни (1878–1954), основатель таджикской литературы, сам говорил, что он узнал о Пушкине и русской литературе через Габдуллу Тукая¹⁶⁵. И для основате-

лей якутской литературы Алексея Кулаковского (1877–1926), Анемподиста Софронова (1886–1935) и Николая Неустроева (1895–1929) Тукай сыграл немаловажную роль, они очень высоко ценили его – это отмечал якутский писатель Семен Данилов¹⁶⁶. Важное значение имел Габдулла Тукай для развития чувашской литературы, подчеркивал чувашский национальный поэт Педер Хузангай (1907–1970)¹⁶⁷, а финно-угорские народы мари и удмурты видели в Тукае своего собственного поэта, если верить высказыванию мари-йского национального поэта Миклая Казакова¹⁶⁸.

В статьях, появившихся в татарской прессе по поводу 90-й и 100-й годовщин со дня рождения Тукая (в 1976 и 1986 гг.), в выступлениях на конференциях в Казани, посвященных этой дате, тема «Тукай и (советские) национальные литературы» играла очень большую роль. Правда, не было высказано никаких новых мнений. Фактически все свелось к повторению, уже говорившегося в 1960-е гг., ничем конкретно не подтверждаемого заявления о том, что татарскому поэту Габдулле Тукаю и его творчеству принадлежит решающая роль в формировании и развитии других «национальных» литератур. Была ли этническая, историческая, культурная или языковая база этих «национальных литератур» близка татарской или же нет – это было не так уж и важно для советских авторов разных национальностей, потому что для них, быть может, чуть в более мягкой форме, похоже, все еще оставалось актуальным сталинское изречение, согласно которому речь должна идти о социалистическом или, по меньшей мере, «прогрессивном» содержании. Национальная форма, в которую облекается это содержание, могла быть разной, поэтому ей принадлежало только подчиненное значение.

Габдулла Тукай многими был представлен как великий образец из-за того содержания, которое приписывалось его творчеству. Тот факт, что он был

татарским поэтом, никакой особой роли не играл. И в этом смысле Тукай занял место носителя определенного мировоззрения. Потенциально это место могло быть занято и другой личностью, если бы ей приписывалось то же мировоззрение. Габдулле Тукаю, чья жизнь, по словам Сибгата Хакима, «являлась одной из самых драматичных биографий в истории мировой литературы»¹⁶⁹, в 1986 г., когда отмечалась 100-летняя годовщина со дня его рождения, задним числом была оказана большая честь. Теперь не только советские критики связывали его с великими поэтами мировой литературы¹⁷⁰. Габдулла Тукай был включен в календарь ЮНЕСКО, в котором отмечаются «события и личности, оставившие глубокий след в истории человечества»¹⁷¹.

В этой записи читаем: «Габдулла Тукай. Татарский национальный поэт»¹⁷². Публицист, основатель новой реалистической татарской литературы и современного татарского литературного языка»¹⁷³.

Этот раздел и свою работу я хотел бы завершить комментарием, который сопровождает указанное сообщение: «Праздник Г.Тукай выходит на международную арену через страны ЮНЕСКО, он превращается в общий праздник разных стран и народов мира»¹⁷⁴.

Татарский юноша из маленькой деревни Кушлавич в лесистом районе Заказанья превратился в поэта мирового уровня, в часть культурной истории человечества. «Маленький Апуш» превратился в «великого Тукая»¹⁷⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда, еще в 1923 г. в своей статье по поводу 10-летия со дня кончины Тукая Галимджан Нигмати заметил, что с конца 1907 г. «поэт поддался мистике и влиянию религии» (Нигъмәти Г. Габдулла Тукаев: Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән // Юлдаш. – 1923. – № 3 (12). – 81 б.). Мне не известна ни одна другая публикация начала 20-х годов, в которой рассматривалось бы отношение Тукая к религии.

² *Бурнаш Ф.* Тукай шигырьләренә караш. Татар вакытлы матбугатынын 20 еллыгына багышлана // Габдулла Тукай шигырьләре /Ред. Ф.Бурнаш – Казан, 1926. – XXVII–LVII б.

³ *Шунда ук.* – XXVII б.

⁴ Первое стихотворение было опубликовано в «Фикер» (03.06.1906. – № 20), второе – в «Аң» (15.04.1906. – № 4).

⁵ Здесь непереведенным остается один абзац, в котором автор объясняет возможности перевода на немецкий язык и смысл таких понятий, как «дин», «динчелек» и «дин-лелек» (прим. переводчика).

⁶ Сәях-Кәкүк. Дингә каршы көрәштә, фронтны динчеләргә каршы да кискенләштерергә кирәк! // Фән һәм дин. – 01.11.1929. – № 21 (84). – 18 б.

⁷ *Галиев Г.* Г.Тукай шигырьләре //Кызыл Татарстан. – 29.08.1926. – № 195 (1658). Возможно, что в данном случае «либеральный религиозник» является синонимом понятия «джадидист».

⁸ Магис (Максут М.). Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында // Безнең юл. – 1928. – № 5. – 20 б.

⁹ Сәях-Кәкүк. Дингә каршы көрәштә, фронтны динчеләргә каршы да кискенләштерергә кирәк! – 18–19 б.; Магис (=Максут М.). Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында. – 18 б.

¹⁰ Насколько мне известно, первым, кто высказался в таком духе, был Габдрахман Сагди. В своей истории татарской литературы, появившейся в 1926 г., он писал о Тукае периода после 1907 г.: «Он на все сто процентов вернулся к религии, к Аллаху, национализму, и все его стихи были пропитаны религиозностью» (Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы: Дәрәслек-кулланма. – Казан, 1926. – 218 б.).

¹¹ Магис (=Максут М.). Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында. – 21 б. Такого же мнения придерживался и Г.Чыгтай, главный редактор «Фән һәм

дин» (Чыгтай Г. Бөтен ислам дине «гыйлемлекләре» бары да «Иман шарты» рамкасында // Фән һәм дин. – 1929. – № 22 (85). – 7 б.).

¹² *Мортазин С.* Иске мирастан файдалану мәсьәләсе // Кызыл Татарстан – 08.12.1929. – № 280 (2650). Позволю себе следующее замечание: собственно, не обязательно быть знакомым с марксизмом, чтобы заметить, что Тукай не был атеистом.

¹³ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор // Г.Тукай әсәрләре. – Т.3. – Казан, 1931. – XXXII б.

¹⁴ *Бакиров Г.* Татар балалар әдәбияты турында // Яңалиф 1932. – №1/2. – 73 б.

¹⁵ Мне незнакомо это слово, и неизвестно стихотворение Г.Тукая с таким названием.

¹⁶ Стихотворение с таким названием не встречалось мне ни в одном из изданий произведений Г. Тукая.

¹⁷ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәясәт йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – XXIII б.

¹⁸ Одним из тех, кто считал, что одним из таких критиков являлся Ф.Бурнаш, как уже упоминалось, был автор, писавший под псевдонимом Саях-Какук (Сәях-Кәкүк. Дингә каршы көрәштә, фронтны динчеләргә каршы да кискенләштерергә кирәк! – 18 б.)

¹⁹ *Чыгтай Г.* Бөтен ислам дине «гыйлемлекләре» бары да «Иман шарты» рамкасында // Фән һәм дин. – 1929. – № 22 (85). – 6 б.

²⁰ Сәях-Кәкүк. Дингә каршы көрәштә, фронтны динчеләргә каршы да кискенләштерергә кирәк! – 18 б.

²¹ *Гыймадиев М.* Тукай ижатында атеизм моментлары // Социалистик Татарстан. – 12.04.1938. – № 84 (5285).

²² Цит. по: Максут М. Бер дәрәслекнең житешсез яклары // СӘ. – 1949. – № 10. – 117 б..

²³ *Гайнуллин М.* Татар әдәбиятында атеизм мәсьәләләре // СӘ. – 1950. – № 9. – 88 б.

²⁴ *Халит Г.* Габдулла Тукай: Тууына 65 ел тулуга карата // Кызыл Татарстан. – 27.04.1951. – № 83 (8876).

²⁵ *Ишмөхәммәтов З.* XX йөз башындагы татар әдәбиятында дингә каршы көрәшнең чагылышы // СӘ. – 1956. – № 1. – 68, 70 б.

²⁶ *Ишмөхәммәтов З.* Шагыйрь динне камчылы // Социалистик Татарстан. – 25.05.1961. – № 122 (12699).

²⁷ В этой главе речь идет о стихотворениях Тукая, в которых выступают духи и сказочные персонажи, как например, шурале или водяная. В начале 30-х годов «ультралевые» критики оценивали, прежде всего, эти произведения как «вредные» и остро критиковали их, поскольку поэт в своем творчестве изображал сверхъестественное. См., например: Саматов С. Балалар әдәбияты начар хәлдә // Эшче. – 16.03.1930. – № 33 (1604); Кәрим Ф. Балалар әдәбияты турында // СӘ. – 1934. – № 8. – 62–67 б.

²⁸ Кроме этих глав, в книге имеется и введение (с. 3–4), и заключение (с.66–71).

²⁹ *Ишмөхәммәтов З.* Тукай атеизмы. – Казан, 1971. – 3–4, 23, 31, 44, 58 б. О последнем пункте подробнее он уже высказался в 1956 г. (Ишмөхәммәтов З. XX йөз башындагы татар әдәбиятында дингә каршы көрәшнең чагылышы. – 69 б.).

³⁰ Подобное говорил, например, Ф.Карим еще в 1934 г. (Кәрим Ф. Балалар әдәбияты турында. – 62 б.)

³¹ См., например: Әхмәров З. Әдәбият дәрәсләрендә атеистик тәрбия // Совет мәктәбе. – 1959. – № 11. – 42–46 б.; Сәмигуллин Г. V классга Г.Тукай шигырьләрен өйрәнгәндә атеистик тәрбия // Совет мәктәбе. – 1960. – № 5. – 32–33 б.

³² *Ишмөхәммәтов З.* Тукай атеизмы. – 46 б.

³³ «Очень красивое стихотворение Габдуллы Тукая, представляющее первую молитву ученика школы и выражающее искреннюю веру детского сердца в Аллаха» (Binark, Naila: Abdulla Tukaj'yn šiirlerinde çoğuk temasy, in: Kazan 1973 (10), S. 52.)

³⁴ Подзаголовок этой публикации гласит: «Татар язучыларының дингә каршы әсәрләре». Тукай является одним из авторов, творчество которых представлено наибольшим числом произведений (с. 28–65).

³⁵ В том же 1991 г. впервые после Октябрьской революции было издано и одно из «серьезных» религиозных стихотворений Г.Тукая, которые полностью замалчивались советской татарской критикой (вплоть до «ультралевых») «Кадер кич» (Гайнетдинов М. Тукайның «адашкан» шигърьләре // КУ. – 1991. – № 4. – 146–148 б.)

³⁶ Подробнее см. главу II.2.2.

³⁷ Используя здесь слово «песня» (жыр), автор как бы стремится подчеркнуть народность стихотворений Тукая.

³⁸ Сәгъди Г. Габдулла Тукаев // Вақыты. – 03.02.1909. – № 427.

³⁹ Примечательно, что Г.Сагди говорит не об «османской», а о «турецкой» литературе (төрөк әдәбияты).

⁴⁰ Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 62 б.

⁴¹ Впервые это стихотворение было опубликовано в «Әлгасрел-жәдит» 15 ноября 1906 г. (№ 11). Сам Тукай определил его как «подражание маленькому стихотворению Пушкина». Имеется в виду стихотворение Пушкина «Про себя», написанное между 1817 и 1820 гг.

⁴² Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – 62–67 б.

⁴³ Мөхәммәдъяров Ш. Тукай кем?. – М., 1918. – 22 б.

⁴⁴ См., например, стихотворения: «Сорыкортларга» (20 июля 1906 г.); «Милләтчеләр» (1908 г.), а также статьи «Милләтче» (24 июня 1909 г.); «Милләткә файда урнына зарар» (15 сентября 1910 г.).

⁴⁵ Нигъмәти Г. Габдулла Тукаев: Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән // Юлдаш. – 1923. – № 3(12). – 1923. – 68 б.

⁴⁶ Сәгадеев А. Солтангалиев һәм Советлар Россиясенең милли сәясәте // КУ. – 1991. – № 4. – 158–173 б.; Солтанбеков Б.; Шәрәфетдинов Д. Фаҗигале язмыш // КУ. – 1992. – № 2. – 139–140 б.; Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 24, 73–77.

⁴⁷ Речь, которую М.Султангалиев произнес в свою защиту 27 февраля 1929 г., впервые была опубликована в 1992 г.: Мин ялгыштыммы? // КУ. – 1992. – № 2. – 140–148 б.

⁴⁸ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union, S. 79. Здесь же (S. 79–82) приводятся сведения об акциях против «националистов» в Крыму, Казахстане и Средней Азии. См. также: Allworth, Edward: Uzbek Literary Politics, London, The Hague, Paris 1964, S. 78, 124.

⁴⁹ Bennigsen, Alexandre; Enders Wimbush, S.: Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World, Chicago, London 1979, S. 91.

⁵⁰ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union, S. 79.

⁵¹ Гали З. Татар пролетариат әдәбиятының үсеш шартлары // Яңалиф. – 1930. – № 4. – 67 б.

⁵² Сәйфи-Казанлы Ф. Сарайлар, ханнар, кенәзләр, морзалар шагыйре Фәтхи Борнаш // Матур әдәбиятта буржуаз милләтчеләге / Ред. Ф. Сәйфи-Казанлы. – Казан, 1930. – 4–5 б. См. также: Гали Г. Солтангалиевчылыккы каршы көрәшкәндә // Безнең юл. – 1929. – № 11. – 22 б.

⁵³ Гали Г. Солтангалиевчылыккы каршы көрәшкәндә. – 22 б.; Матур әдәбиятта буржуаз милләтчеләге / Ред. Ф. Сәйфи-Казанлы. – Казан, 1930.

⁵⁴ Это определение в середине 1927 г. впервые в положительном смысле использовал поэт Хасан Туфан и при этом, возможно, проводил параллель с русской «Могучей кучкой». Х.Туфан высказался по поводу статьи Г.Нигмати, опубликованной в журнале «Безнең юл» (1927 г., № 6/7), в которой упоминались «пять звезд на небосклоне татарской литературы» (Хади Такташ, Гадел Кутуй, Кави Наджи, Гумар Тулумбайский и Хасан Туфан). Х.Туфан же считал, что звезд было не пять, а семь (Гадел Кутуй турында истәлекләр / Ред. Р.Нуруллина. – Казан, 1984. – 175, 179 б.). К сожалению, не упоминается, каких двух писателей еще добавил Х.Туфан к списку Г.Нигмати.

⁵⁵ «Җидегән» турында // Атака. – 1930. – № 6/7. – 7 б.

⁵⁶ Намного реже упоминались еще два имени: Сагит Агиш (Атака. – 1930. – № 3. – 2 б.) и Садри Джалал (Нәжми К. Большевизм уты астында // Атака. – 1930. – № 4/5. – 2 б.). По-видимому, эти двое считались принадлежащими к основному ядру организации.

⁵⁷ «они чуждые для пролетарской и советской литературы элементы, вражеские элементы (...) – ликвидировать (Атака. – 1930. – № 3. – 2 б.)

⁵⁸ *Давитов М.* Милләтче кодалар һәм аларның партбилетлы кодагыйлары // Эшче. – 24.08.1930. – № 101 (1672).

⁵⁹ Пояснения, как эти две диктатуры подходят друг другу, М.Давитов не дал.

⁶⁰ *Кутуева Г.* Гаилә истәлеге // Гадел Кутуй турында истәлекләр / Ред. Р.Нурулли-на. – Казан, 1984. – 13–20 б. Но и после освобождения для этих писателей продолжались тяжелые времена, потому что и Г.Кутуй, и его коллеги не могли найти постоянной работы и всеми были отвергнуты. В статьях, написанных после XX съезда КПСС, вся эта афера с организацией «Жидегән» была названа выдумкой. В тогдашней же татарской прессе сообщалось лишь о «раскрытии» группы и аресте ее участников. Сообщений о суде, осуждении, а также освобождении не было опубликовано вообще.

⁶¹ *Абдуллин Г.* Татар совет әдәбиятын большевиклаштыру өчен! // СӘ. – 1933. – № 2/3. – 72–73 б.; Нәжми К. Татар матур әдәбияты // СӘ. – 1934. – № 10. – 48 б.

⁶² *Бурнаш Ф.* Тукай шигырләрәнә караш // Габдулла Тукай шигырләрә. Тукай тормышы һәм ижаты турында кереш сүз белән / Ред. Ф.Бурнаш. – Казан, 1926. – XXXI б.

⁶³ Впервые опубликовано в Казани в 1908 г. в сборнике «Г.Тукаев диваны».

⁶⁴ Последние три слова в цитате Ф.Бурнаша опущены.

⁶⁵ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – XVIII б.

⁶⁶ *Шунда ук.* – XVIII– XIX б.

⁶⁷ Толымбайский Г. Тукай һәм халык әдәбияты (Тукайның «Халык әдәбияты» һәм «Халык моннары» әсәре белән). – Казан, 1930. – 8-9 б. См. также: *Шамов А.* Фольклор мәсьәләләре // Яңалиф. – 1931. – № 8/9. – 58 б.

⁶⁸ Ибрагимов Г. Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. Здесь особенно часть 3 «Габдулла Тукаев» (49–102 б.)

⁶⁹ Особенно острой критике подвергся его доклад «Татар мәдәнияте нинди юл белән барачак?», сделанный 25 января 1927 г. в Казани (опубликован в: «Казан утлары. – 1992. – № 3. – 157–162 б.). См. также: Bennigsen, Alexandre; Enders Wimbush, S.: Muslim National Communism in the Soviet Union, S. 89.

⁷⁰ См., например: Ибрагимов Г. Әдәби програм турында // Атака. – 1931. – № 3. – 65–68 б.

⁷¹ Их оценка одних и тех же результатов анализа была, конечно, разной: Г.Ибрагимов критиковал избыток «политики» и актуальных событий в творчестве Тукая, а «ультра-левые», наоборот, что их было слишком мало.

⁷² «Татар әдәбияты классигы» (СӘ. – 1956. – № 6. – 126 б.)

⁷³ Tillett, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S. 373.

⁷⁴ *Халит Г.* Тукай – халык шагыйре // СӘ. – 1938. – № 1. – 81 б.

⁷⁵ *Шунда ук.*

⁷⁶ *Шунда ук.* – 83 б.

⁷⁷ См., например: *Баян Н.* Татарстан совет язучылары союзының эше турында // СӘ. – 1938. – № 6. – 84 б. Эта статья является изложением доклада, сделанного Нуром Баяном на заседании Союза писателей Татарстана 20 июня 1938 г.

⁷⁸ «Враждебность Тукая по отношению к националистам – не случайное явление, она отражает то, что в своих взглядах на мир и творчество он является глубоким [!] интернационалистом. Верный сын своего народа, Тукай всей своей душой любит татарский народ, (...) он любит наряду со своим народом и другие народы, а в первую очередь, великий русский народ. (...)» (Фәйзи Ә. Габдулла Тукай. Атаклы кешеләрнең Казандагы тормышы. – 2 китап. – Казан, 1940. – 22 б.).

⁷⁹ Этот список «младших» братьев может быть, конечно, продолжен – киргизы, туркмены, уйгуры, дунгане, хакасы и т.д. и т.п.

⁸⁰ *Кутуй Г.; Хисмәтуллин Х.* Патриот Тукай. Үлүенә 29 ел тулу уңае белән // Кызыл Татарстан. – 15.04.1942. – № 89(6503).

⁸¹ Это стихотворение впервые было опубликовано в 1907 г. во втором сборнике стихов Г.Тукая (Габдулла Тукаев шигырьләре (Шигырьләр көтепханәсеннән 4-нче дәфтәр). – Казан, 1908. Об этом: Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1. – 259 б.). Во второй тираж сборника, в 1909 г., стихотворение включено не было.

⁸² Этот анахронизм – до Октябрьской революции не было никакого Татарстана – явно демонстрирует, как советская действительность проецировалась на прошлое и что в прошлом, собственно, не было никакого татарского определения для территорий, на которых проживали татары. Словообразование вроде «татар иле», которое вполне могло бы подойти, в советское время не принималось, потому что звучало слишком «националистически».

⁸³ *Кутуй Г.; Хисмәтуллин Х.* Патриот Тукай. Үлүенә 29 ел тулу уңае белән.

⁸⁴ *Жәләй Л.* Ватан сугышы чорында татар совет әдәбияты // СӘ. – 1942. – № 9/10. – 95 б.

⁸⁵ Фронтовик татарларга татар халкыннан сәлам хаты // СӘ. – 1943. – № 3. – 17 б.

⁸⁶ *Шунда ук.*

⁸⁷ О языковом обмене между татарским и русским языками вряд ли можно говорить: заимствования имелись почти исключительно только в татарском языке, в другом направлении же их практически не было. То, что внушаемое русское культурное влияние носило исключительно положительный характер, по меньшей мере, спорно: во многих произведениях татарской литературы конца 19 в. в качестве наиболее яркого и «важнейшего» примера русского влияния упоминается лишь растущее употребление алкоголя.

⁸⁸ Впервые стихотворение было опубликовано в: Мәктәп. – № 1. – 21.02.1913.

⁸⁹ *Тукай Г.* Әсәрләр. – Т. 2. – 243 б. «Белый», конечно, не означает здесь идеологическую метафору (как например, в годы гражданской войны), это лишь синоним «чистоты».

⁹⁰ *Тукай Г.* Ике ихтар // Ялт-Йолт. – 15.03.1913. – № 53. Этот номер журнала оказался мне не доступен, поэтому цитата приводится из издания: Сәйфи-Казанлы Ф. Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәясәт йөзә // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – XVII б. В издании сочинений Г.Тукая 1955–1956 гг. это сообщение также опубликовано, но с важным различием: если Ф.Сайфи-Казанлы привел последнее предложение как «Мине гафу итегез!», то в собрании сочинений вместо этого стоит фраза: «Һәр нә исә ниятем гүзәл бит!» (Тукай Г.Әсәрләр. – Т. 4. – 184 б.). Поскольку в целом «ультралевые» критики правильнее цитировали Тукая, чем позднейшие советские критики, я отдал предпочтение варианту Ф.Сайфи-Казанлы.

⁹¹ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S.204.

⁹² *Фадеев А.* Совет әдәбияты күтәрелештә // СӘ. – 1947. – № 7. – 80–81 б. Резко осуждены были, например, торжества, проведенные по поводу юбилея Низами в Азербайджане, а также история казахской советской литературы / под ред. Е. Исмаилова. См. также: Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union, S. 183, 204 ff.

⁹³ Едигей – это имя героя эпоса, широко распространенного среди татар (История татарской советской литературы / Ред. Л.И.Залесская, В.Г.Воздвиженский. – М., 1965. – С. 352–353. В библиографии татарской литературы, подготовленной Абраром Каримуллиным, две эти пьесы не упоминаются (Татар матур әдәбияты библиографиясе (1917–1960) / Ред. Ә.Г.Каримуллин. – Казан, 1964). Возможно, они не были опубликованы.

⁹⁴ *Фадеев А.* Совет әдәбияты күтәрелештә. – 80–81 б.

⁹⁵ Там же. Для Фадеева, похоже, не представлялось анахронизмом, говоря о прошлом, использовать определения территорий, которые появились только в советское время. О подобной форме «интернационализма», инспирированного русскими, см. в следующем разделе.

⁹⁶ Bennigsen, A.: The Crisi of the Turkic national Epics, 1951–1952: Local Nationalism or Internationalism?, in: Canadian Slavonic Papers 1975 (17), S. 463–474; Lipkin, Semjon: Bucharin, Stalin und der Manas. Skandal um ein kirgisches Epos, in: Neue Rundschau 1994 (3), S. 95–109.

⁹⁷ Критике подверглись следующие эпосы (в хронологическом порядке): «Деде Коркут» (Азербайджан и Кавказ, весна 1951 г.), «Коркут-Ата» (Туркменистан, август 1951 г.), «Алпамыш» (Узбекистан, март-апрель 1952 г.), «Кобланды-Батыр» (Казахстан), «Ер-Сайын» (ногайцы), «Шора Батыр» (Татарстан) (все весной 1952 г.), «Манас» (Киргизстан, лето 1952 г.).

⁹⁸ Батыев С. Югары таләпчәнлек өчен // СӘ. – 1953. – № 2. – 106 б. В 1955 г. Гали Халит даже создал выражение «националистический космополитизм» (Халит Г. Габдулла Тукай (1886–1913) // Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 1. /Ред. Х.Хисмәтуллин; Я.Агисhev. – Казан. 1955. – XXVI б.)

⁹⁹ Батыев С. Югары таләпчәнлек өчен. – 107 б.

¹⁰⁰ СӘ. – 1962. – № 5. – 158 б.

¹⁰¹ Тушиев Ю. Г.Тукайның кайбер педагогик карашлары : Тууына 75 ел тулу унае белән // Совет мәктәбе. – 1961. – № 4. – 7 б. См. также: Исхак Ә. Азатлык һәм дуслык жырчысы // Ялкын. – 1961. – № 4. – 12 б.

¹⁰² Хәйри Х. Олы йөрәкле россиян // Социалистик Татарстан. – 25.04.1961. – № 98 (12675).

¹⁰³ Нәфиков Р. Габдулла Тукай биографиясен өйрәнүнең кайбер мәсьәләләре // КУ. – 1966. – № 8. – 123 б.

¹⁰⁴ Исәнбәт Н. Г. Тукайның мәгълүм булмаган бер шигыре һәм Мәхмүт дәүләт Али хакында // КУ. – 1976. – № 4. – 133 б.

¹⁰⁵ В качестве «доказательства» Н.Лаисов приводит стихотворение Г.Тукая «Үз-үзем» (15 ноября 1906 г.), которое еще в 1913 г. отмечалось Галимджаном Ибрагимовым, а в 1923 г. – Галимджаном Нигмати как стихотворение, в котором впервые проявились национальные взгляды и образ мыслей Тукая.

¹⁰⁶ Н. Лаисов не подтверждает это ни одним примером.

¹⁰⁷ Лаисов Н. Габдулла Тукай. – Казан, 1985. – 62 б.

¹⁰⁸ Әхмәтҗанов Ш. Искә төшерү: Габдулла Тукаев Петербуртта // Сибиря. – 26.05.1913. – № 112.

¹⁰⁹ Рәфикый Г. Тукайны тәхәттүр // Аң. – 1914. – № 7. – 143 б. Это стихотворение Г.Тукая впервые было опубликовано в «Әл-ислах» 17 марта 1908 г.

¹¹⁰ Рәхманколы С. Тукай // Ялт-Йолт. – 10.06.1913. – № 55. – 11 б.

¹¹¹ Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 97 б.

¹¹² Әмирхан Ф. Тукай вә хатын-кыз // Шәрәкь кызы. – 1918. – № 2. – 39 б.

¹¹³ Жәләй (Вәлиди Ж.) Габдулла Тукаев // Вақыт. – 06.04.1913. – № 1172.

¹¹⁴ Тукаев сүзләре / Ред. Г.Шәрәф. – Казан, 1913. – 3 б.; Мөхәтдиния М. Габдулла Тукаев әдәбияты: Вафаты өч ел тулу мөнәсәбәте илә // Аң. – 20.04.1916. – № 7. – 104 б.

¹¹⁵ Похоже, что Ш.Мухаммедьяров плохо подсчитал: как известно, Г.Тукай родился 26 апреля 1886 г. и умер 2 апреля 1913 г.

¹¹⁶ Мөхәммәдьяров Ш. Тукай кем? – М., 1918. – 7 б.

¹¹⁷ Там же. – 15–16 б.

¹¹⁸ Вәлиди Ж. Тукайның шагыйрьлеге // Мәгариф. – 1923. – № 3/4. – 3–8 б.

¹¹⁹ Сәгъди Г. Татар шагыйрьләре арасында Тукай (Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 3 б.; Коган П.С. Татар әдәбияты турында // Безнең юл. – 1927. – № 9. – 21 б.; Кутуй Г. Рус әдәбиятының Г.Тукайга тәэсире // Безнең юл. – 1928. – № 3/4. – 20 б.; Толымбайский Г. Тукай һәм әдәби фольклорыбыз // Безнең юл. – 1928. – № 6/7. – 21 б.; Толымбайский Г. Тукай һәм халык әдәбияты (Тукайның «Халык әдәбияты» һәм «Халык моңнары» әсәре белән). – Казан, 1930. – 7 б.

¹²⁰ Сравнение Тукая с первыми названными поэтами см.: Гаффар Ә. Урыс матбугатында Тукай // Татарстан. – 15.04.1923. – № 77 (742); сравнение с Некрасовым см.: Вәлиди Ж. Тукайның шагыйрьлеге. – 8 б.; Бурнаш Ф. Тукай шигырьләренә караш // Габдулла Тукай шигырьләре. Тукай тормышы һәм ижаты турында кереш сүз белән / Ред. Ф.Бурнаш. – Казан, 1926. – ЛП б.

¹²¹ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор // Г.Тукай әсәрләре. – Т.3. – Казан, 1931. – XVII б.

¹²² *Вәлиди Ж.* Тукайның шагыйрьлеге // Мәгариф. – 1923. – № 3/4. – 3–8 б.

¹²³ *Галиев Г.* Г.Тукай шигырьләре // Кызыл Татарстан. – 29.08.1926. – № 195 (1658).

¹²⁴ И в этом пункте заметно, насколько совпадал анализ «ультралевых» и дореволюционного, «буржуазного» Галимджана Ибрагимова.

¹²⁵ См. введение Генри Хаттенбаха в изданной под его редакцией книге: Soviet Nationality Policies. Ruling Ethnic Groups in the USSR. Ed. Henry R. Huttenbach, London 1990, S. 5.

¹²⁶ *Мөхәммәдъяров Ш.* Тукай кем? – М., 1918. – 16 б.

¹²⁷ *Гази И.* Рус поэзиясе һәм Тукай // СӘ. – 1938. – № 4. – 54 б.

¹²⁸ См.: Габдрахманов Ф. Тукай һәм фольклор мәсьәләсе // СӘ. – 1938. – № 4. – 39 б.; Гарифуллин М. Татар телендә урын һәм хәбәр жөмлөләре // Совет мәктәбе. – 1940. – № 1. – 57 б.; Гайнуллин М. Тукай һәм халык ижаты // СӘ. – 1945. – № 12. – 58; Пехтелев И. Пушкин һәм Тукай // СӘ. – 1949. – № 6. – 109 б.; Агиш С. Г.Тукай – безнең замандашыбыз // Кызыл таң. – 26.04.1956. – № 98 (7719).

¹²⁹ См.: Тукай Г. Сайланма әсәрләр / Ред. М.Жәлил. – Казан, 1938. – III б.; Дәүләтшин Н. Безнең дустаныбыз // Яшь сталинчы. – 12.04.1939. – № 56; Халит Г. Татар халкының бөек шагыйре // СӘ. – 1946. – № 3. – 86 б.; Рождественский В. Халык улы // СӘ. – 1961. – № 4. – 36 б.; Лансов Н. Габдулла Тукай. – Казан, 1985. – 46 б.

¹³⁰ Статья озаглавлена: «Халыкның мактаулы шагыйре».

¹³¹ *Халит Г.* Рус халкының бөек шагыйре // СӘ. – 1949. – № 6. – 108 б.

¹³² Насколько правомерно такое совмещение, я не могу оценить полностью. Мне оно представляется, по меньшей мере, спорным.

¹³³ См. сравнения с Лермонтовым и Некрасовым: Кутуй Г.; Хисмәтуллин Х. Патриот Тукай. Үлүенә 29 ел тулу унае белән // Кызыл Татарстан. – 15.04.1942. – № 89(6503); Сайганов А. Рус поэзиясе һәм татар шагыйре Г.Тукай // СӘ. – 1946. – № 4. – 88–94 б.; Нәжми К. Татар әдәбиятының кояшы // СӘ. – 1946. – № 4. – 37 б.; Пехтелев И. Габдулла Тукай поэзиясендә эстетик карашлар // СӘ. – 1946. – № 4. – 63 б.; Пехтелев И. Пушкин һәм Тукай // СӘ. – 1949. – № 6. – 109 б.; Пехтелев И. Некрасов һәм Тукай // Совет Татарстаны. – 19.12.1951. – № 97 (9042); Халит Г. Бәхәссез һәм бәхәсле хакыйкәтләр // КУ. – 1966. – № 4. – 77 б. Сравнение Тукая с Горьким см.: Габдрахманов Ф. Тукай һәм фольклор мәсьәләсе // СӘ. – 1938. – № 4. – 39–40 б.; Гайнуллин М. Татар классик әдәбиятында патриотизм мотивлары // СӘ. – 1943. – № 9/10. – 94 б.; Гайнуллин М. Тукай һәм халык ижаты // СӘ. – 1945. – № 12. – 59 б.; Гайнуллин М. Габдулла Тукай һәм әдәби тәнкыйть // СӘ. – 1946. – № 4. – 53 б.; Халит Г. Тукай. Лирик герой. Жән диалектикасы // КУ. – 1976. – № 4. – 79 б.

¹³⁴ См., например: Сайганов А. Рус поэзиясе һәм татар шагыйре Г.Тукай. – 88–89 б.

¹³⁵ *Гайнуллин М.* Габдулла Тукай һәм әдәби тәнкыйть. – 57 б.

¹³⁶ *Гайнуллин М.* Чынлык көче. Татар әдәбиятының реализм сызыгында үсүенә бөек рус язучыларының һәм революцион-демократик тәнкыйтьчеләрнең йогынтысы // СӘ. – 1948. – № 7. – 70 б.

¹³⁷ Gleason, Abbot: Young Russia. The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s, Chicago/London 1980, S. 105.

¹³⁸ Tschernyschewski, Nikolai G.: Was tun?, Reinbeck, 1988, S. 22.

¹³⁹ Цит. по: Nahirny, Vladimir: The Russian Intelligentsia. From Torment to Silence, New Brunswick/London 1983, S. 90

¹⁴⁰ *Гайнуллин М.* Габдулла Тукай һәм әдәби тәнкыйть. – 57 б.

¹⁴¹ *Бахметьев В.* Оныгылмас очрашу // СӘ. – 1957. – № 8. – 61 б.

¹⁴² См., например: Г.Тукай турында В.И.Ленин, А.М.Горький, А.Фадеев, Луи Арагон // СЭ. – 1961. – № 4. – 9-10 б.; Ялкын. – 1966. – № 4. – 1 б.

¹⁴³ Tillett, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S. 86-87.

¹⁴⁴ Цитата приведена в книге: Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – М., 1957. – С. 239 (цит. по: Tillett, Lowell: The Great Friendship, S. 382).

¹⁴⁵ *Кәшишаф Г.* Татар совет әдәбиятының утыз еллыгы // СЭ. – 1947. – № 11. – 79 б. Г.Кашшаф не привел для подтверждения своих слов ни одной цитаты из Тукая.

¹⁴⁶ Tillett, Lowell: The Great Friendship, S. 388.

¹⁴⁷ Выражение «good natives», под которым подразумеваются «друзья русского народа и его достижений», я позаимствовал у Эдварда Лаззерини, который этими словами определил казахского «просветителя» Ибрагима Алтынсарина (Lazzerini, Edward: Ismail Bey Gasprinski (Gaspirali). The Discourse of Modernism and the Russians, in: *Tatars of the Crimea. Their Struggle for Survival*, ed. Edward Allworth, Durham/London 1988, S. 157.

¹⁴⁸ См., например: Фадеев А. Совет әдәбияты күтәрелештә // СЭ. – 1947. – № 7. – 80 б.; Гайнуллин М. Пушкин һәм татар әдәбияты // СЭ. – 1949. – № 5. – 103 б.; СЭ. – 1958. – № 11. – 125 б. См. также: Tillett, Lowell: The Great Friendship, S. 388; Zenkovsky, Serge: *Pan-Turkism and Islam in Russia*, Cambridge, Mass. 1960, S. 60–64.

¹⁴⁹ Горький еще только родился, когда многие из названных «национальных просветителей» уже умерли. Тем не менее он мог служить в качестве образца, потому что представляемые ими идеи достигли своей настоящей зрелости только у русского писателя Горького.

¹⁵⁰ О сравнении между Тукаем и Толстым см.: Гайнуллин М. Татар классик әдәбиятында патриотизм мотивлары // СЭ. – 1943. – № 9/10. – 94 б.; Бәширов Г. Даһи Тукай, остаз Тукай // СЭ. – 1961. – № 4. – 34 б.

¹⁵¹ *Фадеев А.* Совет әдәбияты күтәрелештә // СЭ. – 1947. – № 7. – 80 б. Похоже, что советским критикам вовсе не казалось анахронизмом говорить о «национальных просветителях» середины 19 в. в связи с «Россией марксистов-ленинистов».

¹⁵² *Фадеев А.* Совет әдәбияты күтәрелештә // СЭ. – 1947. – № 7. – 81 б. А.Фадеев не упоминает ни полного названия второго стихотворения, ни повода, по которому оно было написано (см. выше: глава III.3.2).

¹⁵³ Tillett, Lowell: The Great Friendship, S. 404f.

¹⁵⁴ Уже в годы Второй мировой войны высказывались мнения о том, что Тукай имел большое значение для развития культуры и литературы других народов. Так, например, в апреле 1943 г. Карим Гаманаклы писал о том большом влиянии, которое Тукай оказал на крымско-татарского национального поэта Шамиля Туктаргази (*Гаманаклы К.* Тукай шигърият йолдызы ул // СЭ. – 1943. – № 4. – 25–29 б.).

¹⁵⁵ *Агши С.* Г.Тукай – безнең замандашыбыз // Кызыл таң. – 26.04.1956. – № 98 (7719); Ганиева Р. Уртақ кояшыбыз // КУ. – 1966. – № 4; Бикбай Б. Беренче укыган шагыйрем // КУ. – 1959. – № 4. – 147–148 б.

¹⁵⁶ *Гомәр А.* «Абай» романы татар телендә // СЭ. – 1957. – № 12. – 93–96 б.; СЭ. – 1957. – № 11. – 125 б.; Сыздыков Ч. Габдулла Тукайга // СЭ. – 1959. – № 4. – 25 б.; Сыздыков Ч. Минем остазым // СЭ. – 1961. № 4. – 46–48 б.

¹⁵⁷ *Джунусов К.* Тукай яши // СЭ. – 1961. – № 4. – 44–45 б.

¹⁵⁸ *Кәшишаф Г.* Безнең кояш // СЭ. – 1961. – № 4. – 58–50 б.; Сәгъдевакказов Г. Уйгур әдәбиятына Г.Тукайның тәэсире // КУ. – 1966. – № 4. – 93–94 б.

¹⁵⁹ *Гулам Г.* Г.Тукай безнең дә шагыйребез // СЭ. – 1961. – № 4. – 37–40 б.

¹⁶⁰ *Турдыев Ш.* Рухи туганлык // КУ. – 1976. – № 4. – 136–139 б.

¹⁶¹ *Кербабаев Б.* Чын күңелемнән рәхмәт // СЭ. – 1961. – № 4. – 55–56 б.

¹⁶² *Рөстәм С.* Йөрәк сүзе // СЭ. – 1961. – № 4. – 45–46 б.; Шәриф А. Тукай һәм әзербайжан әдәбияты // КУ. – 1968. – № 4. – 110–114 б.

¹⁶³ *Акбиев С.* Мәдәни бергәлек: Татар һәм кумык мәдәниятләренең үзара бәйләнеше карата // КУ. – 1972. – № 6. – 140–147 б.; Акбиев С. Габдулла Тукай һәм кумык әдәбияты // КУ. – 1976. – № 4. – 140–144 б.

- ¹⁶⁴ *Икрами Ж.* Зур мэхэббэт чэчэкләре // СӘ. – 1961. – № 4. – 55–56 б.
- ¹⁶⁵ *Башкуров Р.* Воздвиженский В. Һәрвакыт халык йөрәгендә. Габдулла Тукайның тормыш һәм ижат юлы. – Казан, 1966. – 29 б.
- ¹⁶⁶ Социалистик Татарстан. – 17.04.1966. – № 93 (13729).
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ *Казиков М.* Безнең Тукай // СӘ. – 1961. – № 4. – 54 б. См. также мнение удмуртского писателя Аркадия Клабукова: Клабуков А. Халыклар дуслыгы жырчысы // СӘ. – 1961. – № 4. – 55 б.
- ¹⁶⁹ *Хәким С.* Габдулла Тукай – Шагыйрьгә 90 яшь тулу уңае белән. – Казан, 1975. – 6 б.
- ¹⁷⁰ В 1961 г. Хасан Туфан сравнил Тукая с Хафизом, Рудаки, Хайямом, Руставели, Навои, Данте, Гете, Гейне, Байроном и Пушкиным (Туфан Х. Киләчәктә яшәүче // СӘ. – 1961. – № 4. – 48 б.).
- ¹⁷¹ КУ. – 1986. – № 6. – 188 б.
- ¹⁷² «Халык шагыйре» – мне представляется более правильным перевод «национальный поэт» вместо дословного «народный поэт». В советском Татарстане не было такого определения, как «милли шагыйрь», поскольку оно критиковалось как носящее явственно «националистический» оттенок (о понятиях «милләт» и «халык» см. выше: глава III.3.2).
- ¹⁷³ КУ. – 1986. – № 6. – 188 б.
- ¹⁷⁴ *Шунда ук.*
- ¹⁷⁵ «Нигә мин кечкенә Апуш түгел, зур-зур Тукай булдым» – из стихотворения Г. Тукая «Гомер юлына керүчеләргә» (Йолдыз. – 16.05.1910. – № 540).

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокопочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировались сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book “Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism” by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay’s worldview, ideological interpretation of Tukay.